

The book cover features a vibrant, painterly illustration of a fantastical landscape. In the foreground, there are lush green bushes and trees. A large, ethereal, winged creature, possibly a dragon or a giant insect, is depicted in the center, its wings spread wide, revealing intricate patterns and glowing yellow and orange lights. The background shows a dark, stormy sky with swirling clouds and a bright light source, possibly the sun or moon, creating a dramatic atmosphere. The overall style is reminiscent of classic fantasy art.

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ЕВГЕНИЙ БЕЛОГЛАЗОВ

ПРИНЦИП СУПЕРПОЗИЦИИ

Где-то в складках Мультиверсума **дрогнуло пространство**

Евгений Белоглазов

Принцип суперпозиции

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3943185
Принцип Суперпозиции: Авторское; 2012

Аннотация

Таинственный взрыв в труднодоступных горах буквально сотрясает планету. Причина неясна: природное явление, испытание сверхсекретного оружия или даже – инопланетяне? Раскрыть тайну должны инспектор службы безопасности Мелвин Хесли и трое учёных-экспертов. Однако, чем дальше следствие, тем больше загадок. Единственный свидетель катастрофы рассказывает о явлении магнетического чёрного креста... В небольшом городке в нескольких десятках миль от эпицентра взрыва начинается форменная чертовщина. Появляются и исчезают «дубли» – уродливые призрачные копии участников событий... Неужели, мистика? Но нет, роман Евгения Белоглазова – классическая «твёрдая» НФ. Пусть даже разгадать все загадки не под силу самому пытливому человеческому уму.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Нашествие фантомов	5
1	9
2	10
3	15
4	24
5	27
6	33
7	36
8	42
9	46
10	49
11	52
12	59
13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Евгений Белоглазов

Принцип Суперпозиции

Пролог

Теплая безлунная ночь, необъятная и невесомая, как дуновение свежего, насыщенного терпким запахом хвои ветерка, глядела на спящую землю мерцающими зрачками рассеянных в глубине бездонного неба звезд. Раскинувшийся по отрогам лес порой вздрагивал, но не шумел, а прислушивался к шорохам невидимых ночных обитателей. Изредка с тонким писком пролетали москиты; раз или два ухнул филин, и лишь разноголосое пение цикад нарушало царящее в округе безмолвие. Стив Гартнер, собиратель сосновой живицы, сидел на пороге своей лачуги и безучастно смотрел на остатки догорающего костра. Большие мозолистые руки с вздувшимися от тяжелой работы венами неподвижно лежали у него на коленях. Мысль о том, что он один в огромном лесу, давно уже не пугала его, а, наоборот, успокаивала, давала возможность чувствовать себя здесь полноправным хозяином.

Разминая затекшие ноги, Гартнер встал, потянулся и, кряхтя от накопившейся за день усталости, направился к куче валежника, чтобы подбросить в костер несколько сучьев. Внезапно в лесу зародился новый звук. Стив прислушался и вскоре разобрал слабый гул затерявшегося где-то среди вершин самолета. Усевшись, Стив раскурил трубку, после чего вернулся к прерванным размышлениям. Итак, сезон работы закончен. Завтра за ним прилетят, погрузят нехитрый скарб и отвезут в родной городишко на берегу чистой Колд-Маунт-Ривер, где ждут не дождутся дедушку с лесными гостинцами смешливые круглолицые внучата.

Стив подумал, что пора укладываться спать, и только хотел подняться, как вдруг край неба озарился вспышкой неестественного света и мощный удар потряс землю.

На фоне гор, в ореоле радужно светящегося облака, возник огромный, пугающий своей близостью огненный полукруг, излучающий нестерпимо яркое голубое свечение. Из его центра появился и неудержимо стал расти симметричный черный крест с расходящимися и расширяющимися ветвями. Гигантские багровые струи вырывались из огненной стихии вверх и в стороны, закручивались причудливыми спиралями, но, скованные каким-то неведомым противодействием, снова обрушивались в бушующее раскаленное море.

Последнее, что почувствовал Стив, – это невыносимая тяжесть, сковавшая враз оцепеневшее тело. Голову стянуло тугим железным обручем. Обрушившийся с высоты грохот, вперемешку с оглушительным стрекотом цикад, разрывал перепонки. Толчок невероятной силы выбил из-под ног качнувшуюся землю, и он, проваливаясь в пустоту, утратил восприятие реальности и времени...

Часть первая. Нашествие фантомов

ШИФРОГРАММА

*Срочно. В Координационный Центр Целевой Программы
Общеконтинентальной Готовности*

СООБЩАЮ, ЧТО **29 АВГУСТА В 2 ч. 43 мин.** ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ, ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОЧЕРЕДНОГО ТЕЛЕСЕАНСА СО СПУТНИКОМ **G-13** ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРО-2¹, В КВАДРАТЕ **2840** СЕКТОРА **X-10** УСТАНОВЛЕН РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ШИРОКОПОЛОСНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ КОНЦЕНТРИЧЕСКИ ЗОНАЛЬНОГО СТРОЕНИЯ С ДВУМЯ ВЫРАЖЕННЫМИ ПИКАМИ В РЕНТГЕНОВСКОМ И ИНФРАКРАСНОМ ДИАПАЗОНАХ. ПОЯВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКА СОПРОВОЖДАЛОСЬ МОЩНЫМИ АТМОСФЕРНЫМИ ПОМЕХАМИ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО СВЯЗЬ СО СПУТНИКОМ НЕОДНОКРАТНО ПРЕРЫВАЛАСЬ, А ПЕРЕДАВАЕМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ОТЛИЧАЛОСЬ КРАЙНЕ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ. ОРИЕНТИРОВОЧНО ОБЪЕКТ ИМЕЕТ ФОРМУ КРУГА ДИАМЕТРОМ: В РЕНТГЕНОВСКОМ ДИАПАЗОНЕ ОКОЛО **10 км**, В ИНФРАКРАСНОМ **25–30 км**, С АНОМАЛЬНО ВЫРАЖЕННЫМ ЦЕНТРОМ ДИАМЕТРОМ ОКОЛО **5 км** (ДАННЫЕ УТОЧНЯЮТСЯ).

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ – НЕ РАНЕЕ **2 ч. 12. мин.** (ИСЧИСЛЯЕТСЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРОХОЖДЕНИЯ ВЫШЕУКАЗАННОГО КВАДРАТА СПУТНИКОМ **G-12** ТОЙ ЖЕ СЕРИИ. ИЗОБРАЖЕНИЕ, ПЕРЕДАННОЕ **G-12**, ЧЕТКОЕ, БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ПРИЗНАКОВ АНОМАЛЬНОСТИ ИЛИ ИСКАЖЕНИЙ).

УСТАНОВИТЬ ПРИРОДУ ИСТОЧНИКА ПОКА НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ, МОЩНОСТЬ ИЗЛУЧЕНИЯ В КВАДРАТЕ **2840** НАМНОГО ПРЕВЫШАЕТ БЕЗОПАСНУЮ ДОЗУ.

ФОТОСНИМКИ РЕЛЬЕФА ПОВЕРХНОСТИ И ВИДЕОЗАПИСЬ СЕАНСОВ СВЯЗИ БУДУТ ВЫСЛАНЫ В РАСПОРЯЖЕНИЕ ЦЕНТРА НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО.

*Начальник службы Регионального контроля,
слежения и космического зондирования
К. ГРУБЕР*

ШИФРОГРАММА

*Срочно.
Начальнику Специализированного Центра по Исследованию Земной
Коры при Объединенном Управлении Сейсмического Контроля г-ну А.
РИЗЕНТАЛЮ*

¹ УПРО-2 – одна из составных частей универсальной системы противоракетной обороны.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ ТОЛЬКО ЧТО ПОСТУПИВШИХ СЕЙСМОГРАММ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО В НОЧЬ НА **29 августа В 2 ч. 43 мин.** ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ СЕКТОРА **X-10** ПРОИЗОШЕЛ СЕЙСМИЧЕСКИЙ ТОЛЧОК НЕУСТАНОВЛЕННОЙ ПРИРОДЫ. СОГЛАСНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ЗАФИКСИРОВАННОЕ ЯВЛЕНИЕ ОТНОСИТСЯ К РАЗРЯДУ УЗКОСФОКУСИРОВАННЫХ НАПРАВЛЕННЫХ УДАРОВ, АНАЛОГИЧНЫХ ТЕМ, КОТОРЫЕ ОТМЕЧАЮТСЯ ПРИ ИСКУССТВЕННОМ ПОДРЫВЕ ЯДЕРНЫХ УСТРОЙСТВ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ.

ДАН ЗАПРОС О ПОДТВЕРЖДЕНИИ В СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИНСТАНЦИИ. КООРДИНАТЫ ЭПИЦЕНТРА УТОЧНЯЮТСЯ. ВЫЧИСЛЕНИЕ МОЩНОСТИ ИСТОЧНИКА БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ВЕСЬМА ЗАТРУДНЕНО. ВОЗМОЖНОСТЬ СЛУЧАЙНО НАВЕДЕННОЙ ПОМЕХИ ПРОВЕРЯЕТСЯ.

ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ ОБРАЩАЕМ НА ТОТ ФАКТ, ЧТО ТИП СЕЙСМИЧЕСКОЙ ВОЛНЫ НЕ ИДЕНТИФИЦИРУЕТСЯ НИ ПО ОДНОМУ ИЗ ГОДОГРАФОВ².

ПОСЛЕ ОБРАБОТКИ ВСЕ МАТЕРИАЛЫ, ВКЛЮЧАЯ ОТЧЕТ И РАБОЧУЮ ГРАФИКУ, БУДУТ НАПРАВЛЕНЫ В ВАШ АДРЕС.

*Ответственный дежурный Службы Сейсмолокации при
испытательном полигоне RQ-38H
Капитан Дж. СЛЕЙТОН*

РАДИОГРАММА

*Командующему особой механизированной аэродесантной частью при
главном оперативном штабе ЗОМП полковнику Э. ФОРСТЕРУ*

ПРИКАЗЫВАЮ В НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ОРГАНИЗОВАТЬ ВЫСАДКУ ВВЕРЕННЫХ ВАМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В КВАДРАТЕ **2840** СЕКТОРА **X-10** С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДЕТАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ НЕИЗВЕСТНОГО ИСТОЧНИКА РЕНТГЕНОВСКОГО ИЗЛУЧЕНИЯ. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ, ИСТОЧНИК ИМЕЕТ ИЗОМЕТРИЧЕСКУЮ ОКРУГЛУЮ ФОРМУ ДИАМЕТРОМ **10–30 км.**

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ОБЛУЧЕНИЯ ОПЕРАЦИЮ ПРОВОДИТЬ С МАКСИМАЛЬНЫМ СОБЛЮДЕНИЕМ МЕР ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ. ВЫЯВЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ ОЦЕПИТЬ И ВПРЕДЬ, ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ, ЗАКРЫТЬ ДЛЯ ДОСТУПА ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЛИЦ. В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕСТИ ЭВАКУАЦИЮ ИЗ РАСПОЛОЖЕННЫХ ПОБЛИЗОСТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ.

О РЕЗУЛЬТАТАХ ДОКЛАДЫВАТЬ КАЖДЫЕ ПОЛЧАСА. В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ – НЕМЕДЛЕННО.

² Годограф – график, по которому определяется тип сейсмической волны.

³ ЗОМП – Защита от Оружия Массового Поражения.

Старший советник комиссии по вопросам ПРО
А. РОБЕРТСОН

Президенту Астрономического
Общества при Королевской Академии
Естественных Наук
Г-ну ЭНТОНИ ТАККЕРГАУТУ, эсквайру

Глубокоуважаемый господин президент!

Вот уже тридцать лет, как я состою членом Объединенной Ассоциации астрономов-любителей, входящей в состав возглавляемого Вами Общества (из них десять лет почетным). Осуществлял руководство Паргингермской астрономической секцией и сам проводил целенаправленные наблюдения космических объектов с последующим изложением их результатов в научной печати. Трижды награждался специальными призами и почетными дипломами. Занимался усовершенствованием конструкций бытовых телескопов. Один из моих проектов был удостоен памятной медали, а прилагаемый к нему опытный экземпляр демонстрировался в прошлом году на открытой выставке при Гринвичской обсерватории.

Первым делом, прошу извинить за столь долгое вступление, за то, что отнимаю Ваше драгоценное время. Я вынужден сделать это с одной лишь целью – дать Вам возможность убедиться, что я далеко не новичок в астрономии, имею в этой области определенные знания и опыт, а следовательно то, что будет изложено далее, не является плодом моего воображения, выдумкой или ошибкой несведущего человека, но вполне реальными фактами, за достоверность которых я готов полностью поручиться.

В нижеследующих строках позволю себе смелость сообщить, что в последние годы большую часть времени я уделял изучению солнечных пятен, протуберанцев и короны вкупе с циклическими вариациями солнечной активности (в «Астрономическом Вестнике» опубликован ряд моих скромных статей на эти темы).

Так, 29 августа, воспользовавшись ясной безоблачной погодой, я проводил в своей домашней обсерватории очередные исследования коронарной области. В районе четырех часов пополудни я вдруг увидел неподалеку от края солнечного диска (на расстоянии 2–3 угловых градусов к востоку) яркую точечную вспышку, интенсивностью не менее как вдвое превосходящей яркость нашего светила. Вспышка длилась секунд десять, после чего еще в течение двух с половиной минут были видны расходящиеся от ее центра концентрически зональные светящиеся круги, которые, приблизившись к приповерхностным слоям, изменили форму, исказились, а затем полностью деформировались и разорвались. Это, в свою очередь, навело меня на мысль, что вспышка произошла в непосредственной близости от Солнца, а ее остаточные продукты в скором времени достигли хромосферы и вступили в реакционные взаимоотношения с плазмой.

Насколько мне известно, подобные явления никогда и нигде ранее не отмечались и нигде в специальной литературе не отражены. Дать

какое-либо вразумительное истолкование описанному наблюдению ни я, ни члены нашей секции оказались не в состоянии. В качестве рабочей гипотезы принято предположение о взрыве какого-то необычного метеорита, в результате чего выделилась колоссальная энергия, составляющая не менее 10 % мощности солнечного излучения.

На основании вышеизложенного прошу зарегистрировать в соответствующем порядке результаты моих наблюдений, выяснить, не отмечалось ли в других местах в это же время или когда-нибудь ранее нечто подобное, и дать квалифицированное объяснение столь нетривиальному факту.

**С почтением и величайшим уважением
Дж. ГАМИЛЬТОН, эсквайр
г. Паргингерм, графство Брайтишир**

1

Мелвин Хесли, старший инспектор оперативно-тактического отдела УОБК⁴, проснулся как обычно в шесть утра. Из распахнутого окна даже сюда, на седьмой этаж, доносился ни на минуту не прекращающийся шум перенаселенного города.

Он встал, включил радио, сделал короткую энергичную разминку, после чего под звуки бодрой мелодии стал приводить в порядок спальную комнату. Мелвин жил один в небольшой двухкомнатной квартире многоэтажного дома в микрорайоне Корби-Брайдер на оживленной магистрали.

В свои тридцать восемь лет он успел сделать неплохую карьеру, удачно раскрыв несколько крупных дел, связанных прежде всего с контрабандой золота и наркотиков. Одно из них недавно завершилось ликвидацией многочисленной разветвленной группы, возглавляемой известным глобстером Астьяндо Фарейра Гарсией. Эта довольно милая компания в течение долгих лет занималась организацией убийств, ограблений, а также вела подпольную торговлю землей и крупной недвижимостью. Правда, главарю и его ближайшим помощникам удалось скрыться, но тем не менее в руках полиции оказались документы, проливающие свет на многие аспекты деятельности прайда. Кроме того, были национализированы более чем значительные средства, хранящиеся на счетах трансконтинентальных банков, и установлены связи Гарсии с руководством полувоенной радикальной фракции, известной также под названием Ударные Группировки Действий Целевого Назначения.

Мягкий перелив телефонного звонка застал его за бритьем в ванной.

– Мелвин, – раздался в трубке голос шефа, полковника Рейдера. – Извини за ранний звонок. Полагаю, ты еще досматриваешь свои увлекательные холостяцкие сны?

– Доброе утро, – в тон ему ответил Хесли. – Насчет снов вы верно угадали. Только они уже просмотрены. Именно поэтому я на ногах и даже успел наполовину побриться.

– Вот что, – голос Рейдера стал серьезным. – Ты должен срочно явиться в отдел. Собирайся, да поживей. Машину я отправлю. А заодно приготовлю кофе.

– Хорошо. Я буду готов через несколько минут.

Ранний звонок начальства был привычен и не удивил. Подобное случалось и раньше. Удивило другое – Рейдер взялся обеспечить его транспортом и лично приготовить кофе. Насколько он помнил, такое произошло впервые.

Мелвин закончил бритье, достал из шкафа голубую с короткими рукавами рубашку, летние спортивного покроя брюки и выудил из-под кровати дымчатые, под цвет брюк туфли. Потом оделся, запер на оба замка дверь квартиры и, чувствуя прилив сил, вышел на улицу.

Рассвет обещал погожий денёк щедрого в этом году лета, постепенно разгонял накопившуюся за ночь сырость. Над горизонтом, в междурядьях отливающих утренним румянцем домов, показался краешек солнца. Мелвин с удовольствием вдохнул чистый, еще не отравленный дневным смогом воздух, после чего закурил и стал в ожидании машины прохаживаться у подъезда.

⁴ УОБК – Управление Общенациональной Безопасности Континента.

2

В просторном здании Управления было еще тихо и пусто. Поздоровавшись с дежурным, Мелвин поднялся на третий этаж и прошел в конец гулкого коридора к кабинету начальника. В приемную сквозь неплотно прикрытую дверь пробивались невнятные голоса. Мелвин остановился у встроенного в стенную нишу зеркала, придирчиво оглядел свою высокую полнеющую фигуру, пригладил черные, аккуратно подстриженные волосы, оценив, глянул на отразившееся из глубины смуглое крупное лицо с карими навывкате глазами, чуть жестковатое, но не лишенное приятности, поправил воротник рубашки и негромко постучал.

– Войдите, – раздался знакомый голос.

Рейдер, плотный сидящий мужчина с правильными чертами лица и манерами аристократа, сидел во главе массивного стола в окружении подборки графиков, телефонов и переговорных устройств. Он был одет в парадную форму, значит, предстояла встреча с высоким начальством. Мягкая ковровая дорожка шоколадного цвета, подобранная в тон темной полированной мебели, подчеркивала деловую строгость обстановки.

Полковник был не один. У окна на диване сидели двое мужчин и женщина.

После кратких приветствий Рейдер подошел к ажурной тумбочке, на которой стоял кофейный прибор.

– Инспектор, позвольте представить наших гостей, – он выпрямился и подошел с подносом к немолодому суховатому мужчине высокого роста с длинными зачесанными назад волосами и окладистой бородой. – Гаспер Блэкфорд, научный консультант из института Прикладной Физики.

Мужчина учтиво поклонился и принял из рук Рейдера чашку с черным дымящимся напитком.

– Доктор Питер Ланке, заведующий микробиологической секцией института Молекулярной Биологии, – продолжил Рейдер.

Мелвин энергично ответил на крепкое рукопожатие коренастого подвижного крепыша средних лет с блестящей лысиной на шарообразной голове.

– И, наконец, Джесси Фрайтон из института Физики Земли, руководитель геофизического отдела.

Хесли перевел взгляд на красивую стройную женщину лет тридцати. Она приветливо улыбнулась и легким движением поправила прическу.

Кофе приятно бодрил.

– Ну что, профессор, теперь все в сборе, – сказал Рейдер, и Мелвин уловил в его голосе следы озабоченности. – Прошу садиться, – полковник жестом пригласил всех к столу и первым опустился в глубокое, осевшее под тяжестью веса кресло.

Когда все расселись, Рейдер сдержанно сказал:

– Я пригласил вас в это раннее время, чтобы обсудить одно странное происшествие. Этой ночью на территории нашего департамента произошел взрыв, причина которого пока остается невыясненной. Отголоски его зарегистрированы на всех сейсмостанциях Континента. Из расчетов следует, что эпицентр взрыва ориентировочно находится в четырехстах милях севернее от нас, в предгорьях труднодоступного участка массива Охонгас – в районе, где, к счастью, отсутствуют жилые, промышленные и военно-стратегические объекты.

Он встал, подошел к развешенной во всю стену карте и коснулся указкой красного флажка, прилепившегося в левом верхнем углу.

– Ближайший населенный пункт – санаторный комплекс Гартенберг – расположен в ста пятидесяти милях западнее предполагаемого эпицентра. Пока в тех местах сохраняется

нормальная обстановка. Более того, никто из жителей не догадывается о случившемся, и даже местные власти, из тактических соображений, не оповещены.

Рейдер отошел от карты и, собираясь с мыслями, стал медленно прохаживаться по кабинету.

– А почему не допустить, что там произошло обычное землетрясение? – прервал молчание доктор Ланке.

– Как уже сообщили из института Физики Земли, этот район никогда не отличался сейсмической активностью. На протяжении столетий там не было отмечено ни одного подземного толчка. Кроме того, присутствующая здесь Джесси Фрайтон провела сравнительный анализ сейсмограмм, а он однозначно показал: источник сейсмических волн находился в приповерхностном слое, а если и на глубине, то небольшой, что исключает возможность землетрясения.

Он опять подошел к карте, задумчиво посмотрел на флажок и продолжил:

– Сегодня на рассвете в районе взрыва высадились армейские части специального назначения. Недавно оттуда получено сообщение – в горах обнаружены характерные признаки радиоактивного заражения. Более детальное обследование местности провести не удалось из-за наплывшей облачности.

Собравшиеся молчали, осмысливая слова Рейдера.

– Выходит, правительство приступило к новой серии испытаний? – вздохнул профессор Блэкфорд.

– Нет. Мы обратились в Центр и выяснили, что никаких запланированных испытаний в это время, а тем более в этом районе не проводилось.

Рейдер вернулся на свое место и, как бы отвечая на немой, повисший в воздухе вопрос, раздельно сказал:

– Нападение противника тоже исключается. Служба контроля не отметила за последнее время ни одного случая нарушения границ Континента. Решения МЕДОЯДРАГС⁵ выполняются всеми его участниками. Тем более бессмысленно наносить удар в районе, где нет жизненно важных объектов.

– А если допустить, что это была провокация ядерного испытания? – поразмыслив, спросил доктор Ланке.

Рейдер отметил, что Ланке повторяет его собственную мысль, возникшую сразу же, как только поступило сообщение.

– Но если это провокация, – продолжил он, – то кто является ее инициатором? Какие она преследует цели?.. Несомненно одно – подготовка и проведение такой акции под силу только ограниченному кругу лиц из числа тех, кто имеет доступ в самые верха общества, а значит...

Полковник умолк на полуслове, недовольно поморщился, после чего с досадой добавил:

– Впрочем, и это объяснение не подходит. В нашем случае, если верить поступившей информации, нет ни газопылевого облака, ни лесных пожаров – никаких признаков ядерного взрыва.

Он потер пальцами седые виски и резко подался вперед.

– Это не ядерный взрыв!..

– Тогда что же это такое? – удивился Ланке.

– Позвольте мне сказать несколько слов, – поднялась из-за стола Джесси Фрайтон.

– Пожалуйста, – сказал Рейдер, всё больше мрачняя.

⁵ МЕДОЯДРАГС – Межконтинентальный Договор о Ядерном Разоружении и Гарантированном Соответствии.

Только сейчас Мелвин по-настоящему обратил внимание на ее строгое удлиненное лицо в обрамлении густых каштановых волос, волнами спадавших на открытые плечи. Легкое белое платье оттеняло загар изящных рук и шеи. Из-под тонких прямых бровей смотрели карие выразительные глаза. Мелвин заметил и скромное золотое колечко с аметистом на безымянном пальце правой руки.

– Полагаю, что взрыв в горах Охонгас вызван космическими причинами. Он произошел от столкновения Земли с крупным болидом. Метеоритная гипотеза является наиболее вероятной. Она естественно и просто объясняет многое из того, что рассказал нам господин Рейдер. Предварительный анализ сейсмограмм, – она указала на те самые графики, назначение которых всё еще оставалось Мелвину непонятным, – также не противоречит этому выводу.

– Да-а, – в раздумье сказал Блэкфорд. – Одни вопросы объясняет. Но вместо них ставит другие, не менее сложные.

Он вынул из кармана клетчатой рубашки карандаш, за ним блокнот, раскрыл его и положил на стол.

– К сожалению, вы забываете о радиации, – добавил он в ответ на ее вопросительный взгляд и, склонившись над блокнотом, углубился в вычисления.

– Хорош метеорит! Пирог с урановой начинкой! – живо подхватил доктор Ланке. – Да это же настоящая космическая бомба. Выходит, нам крупно повезло! Представляете, что было бы, случись подобное над городом?..

– Заманчиво, но мне кажется, здесь что-то другое, – оторвавшись от записей, сказал Блэкфорд. Он обвел всех сосредоточенным, исподлобья взглядом. – Кометы и метеориты – это остатки планет либо самостоятельные образования, выделившиеся из газопылевых скоплений. В них никогда не отмечалось повышенного содержания радиоактивных элементов.

Он в задумчивости повертел карандаш и, обращаясь главным образом к Рейдеру, продолжил:

– В принципе, можно допустить средоточие радиоактивной массы. Для этого необходимы как минимум два условия: наличие мощного гравитационного поля и сравнительно молодой возраст сконденсированного вещества. При отсутствии первого такая планета или сформировавшаяся масса неизбежно распалась бы еще на ранней стадии. Второе же условие объясняется тем, что, согласно эволюционной модели, состав вещества в космосе изменяется в сторону обогащения тяжелыми, в частности, радиоактивными элементами. Но в случае падения радиоактивного метеорита произошел бы типичный ядерный взрыв. А, по словам господина Рейдера, это не совсем так.

– Остаются лишь инопланетяне на летающих тарелках! – не удержавшись, съязвил Ланке. – Они обнаружили нашу бедную планету и теперь бомбят ее из соседней галактики!

Рейдер укоризненно посмотрел на Ланке и жестко сказал:

– Я ценю ваш юмор, доктор, но хочу, чтобы вы, как и остальные, поняли – сейчас не до шуток! Сложилась крайне напряженная обстановка. Не сомневайтесь, что отголоски взрыва зафиксированы на всех сейсмостанциях мира, и наши противники не упустят случая обвинить нас в нарушении Договора. Может произойти... Да что там! – Он рывком ослабил узел галстука. – Мы получили приказ провести расследование причин взрыва в горах Охонгас. Мне поручено создать комиссию, которая должна во всем разобраться. Как вы догадываетесь, я собрал вас для того, чтобы предложить принять участие в этой работе. Мы сделали выбор, исходя из того, что все вы, за исключением, пожалуй, инспектора Хесли, имеете определенное отношение к возникшей проблеме. Профессор Блэкфорд ведет практические разработки в области ядерной физики. Доктор Ланке – специалист по вопросам происхождения жизни в масштабах космоса. А Джесси, кроме непосредственной работы, проводит

исследования в области космоtectоники. Ваши кандидатуры уже рассмотрены и одобрены Центром.

Он встал, беззвучно прошелся по дорожке и остановился у окна. Затем, выждав точно рассчитанную паузу, повернулся и спросил:

– Есть возражения?

Присутствующие, не ожидавшие такого поворота, молчали.

– Итак, возражений нет! – Рейдер уже улыбался. – В таком случае приступим к составлению плана. Первым делом хочу предупредить – работаем в обстановке строжайшей секретности. Необходимо исключить утечку информации. Пресечь расползание слухов и не дать вспыхнуть панике. Координатором назначается инспектор Хесли. Запомните, Хесли – единственный человек, с которым вы должны делиться выводами и наблюдениями. По возможности вы не должны вступать в контакт с окружающими и не принимать без согласования с инспектором самостоятельных решений.

Он подошел к Ланке, и улыбка его несколько потускнела.

– А для вас, доктор, есть особое задание. Мы должны просчитать самые неожиданные варианты происхождения взрыва. В том числе и внеземные. Вам надо провести детальное обследование местности и отобрать пробы для анализа. Мы обязаны исключить возможность проникновения и распространения чужеродных микроорганизмов или бактерий.

Ланке выудил из кармана просторных брюк платок и вытер вспотевшую лысину.

– Невероятно! – чуть слышно прошептал он. – Кто бы мог подумать, что именно мне придется оберегать нас от таинственных пришельцев.

– На какое время рассчитана поездка? – спросила Джесси Фрайтон.

– Всё зависит от того, как скоро вы управитесь. Но не более двух дней. Завтра к вечеру вы должны быть здесь с готовыми материалами. Есть распоряжение подготовить транспорт и вообще оказывать вам всяческое содействие.

– Но надо хотя бы переодеться и взять в дорогу вещи, – продолжая что-то чертить на бумаге, сказал Блэкфорд.

– В этом нет надобности, – Рейдер снова улыбнулся. – Всё, что нужно, вы получите на месте. Можете позвонить домой и сказать, что уезжаете на пару дней по служебным делам. С вашим руководством я договарюсь. – Далее он вновь обратился к Ланке: – Доктор, а вам надо сейчас же отправиться в лабораторию и подготовить необходимое снаряжение. Думаю, полчаса вам хватит?

– Да, конечно.

Полковник вызвал дежурного и приказал отправить доктора.

– У нас немного времени, – снова нахмурился Рейдер. – Пора подвести первые итоги. С учетом той информации, которой мы располагаем, дальнейшее обсуждение проблемы не даст ничего нового. Вы согласны, профессор?

Блэкфорд встал, огладил длинную бороду и спокойно ответил:

– Я полностью разделяю ваше мнение, господин Рейдер. Пока нам остается лишь строить догадки. Я затрудняюсь сказать что-либо определенное, более того, не хочу этого делать. Хорошо известно, как порой трудно отказываться от гипотезы, которая преждевременно и без должных на то оснований оглашается как единственно верная. Но чудес не бывает, и всё происходящее вокруг имеет объяснение. Думаю, поездка на место событий расставит всё на свои места, и природа взрыва будет установлена.

Блэкфорд вновь заглянул в блокнот и задумался, что-то прикидывая. Он выглядел бы моложе своих лет, если бы не глубокие морщины у глаз, на лбу, на шее. Наконец, он оторвал взгляд от цифр, пожевал тонкими губами и обратился к Рейдеру:

– Я хотел бы уточнить одну деталь. Вы разрешите задать вопрос Джесси?

– Конечно. О чем речь!

– Скажите, Джесси, вы могли бы по этим сейсмограммам определить мощность взрыва?

– Да. И это выглядит не совсем обычно. Подрыв заряда в несколько мегатонн, как правило, вызывает глобальные эффекты, наблюдаемые во многих точках земного шара. Здесь же всё наоборот. Колоссальная мощность и полное отсутствие видимых аномалий. Уму непостижимо!

– Спасибо, – всё так же невозмутимо сказал Блэкфорд.

Рейдер связался с аэропортом и распорядился через час подготовить вертолет.

– До возвращения доктора вы можете воспользоваться телефоном в приемной и передохнуть. А сейчас все, кроме инспектора, свободны.

Проводив гостей, полковник ознакомил Хесли с поступившими ранним утром копиями шифрограмм.

– Что скажешь? – спросил он после того, как Мелвин изучил сообщения.

– Надо разбираться, – пожал плечами Мелвин.

– Оставь все дела и разбейся. После осмотра отправляйтесь в Гартенберг. Свяжись с местной полицией, выясни, не появлялись ли там в последнее время подозрительные люди. Не исключено, что найдутся очевидцы. Опроси их. Наша задача искать причину взрыва здесь, на земле. Космосом займутся твои подопечные. Ознакомишь их с характеристиками «Объекта». По нашим каналам установлено, что эти люди надежные. На их мнение можно положиться. Но будь осторожен! Если эта акция организована оппозицией... В общем, они пойдут на всё, чтобы свалить ответственность на нас... Присматривай за своими спутниками. Они не искушены в наших делах, поэтому легко могут попасть в передрагу. Особое внимание обрати на дока. По-моему, он излишне эмоционален.

– Слушаюсь, шеф. Сделаю всё, как надо.

Договорившись встретиться с Блэкфордом и Джесси через двадцать минут, Хесли спустился на второй этаж и, на ходу здороваясь с торопившимися на работу сотрудниками, зашагал к своему кабинету.

Тяжелый двухтумбовый стол занимал почти половину маленькой комнатки. Рядом с ним, в углу, стоял массивный металлический сейф. К стене прижимались три конторских стула-близнеца. В квадратном, во всю стену, окне сверкало утреннее солнце.

Окинув мимолетным взглядом привычную обстановку, Мелвин открыл сейф, достал дорожную сумку с вещами, которую держал на случай незапланированных отъездов, постоял, подумал... извлек из-под канцелярских бланков пистолет, две запасные обоймы и положил всё это на дно сумки. Потом сел и расслабился, отключая в памяти всё, что не имело отношения к новому делу.

Смутное чувство тревоги не отступало. Инспектор вновь и вновь перебирал подробности состоявшегося разговора. Такое дело! Это, пожалуй, похлеще, чем все глобстеры вместе взятые... Бремя ответственности уже начинало давить: перед мысленным взором всё отчетливей проступали масштабы возможных последствий... А что будет завтра? Хотя что там завтра! Сегодня, не позже полудня, он окажется в таком пекле, из которого, быть может, и возврата нет...

Его размышления прервал телефонный звонок. Рейдер извещал – вернулся доктор Ланке.

Мелвин закрыл сейф, еще раз проверил содержимое карманов и, отгоняя нехорошие предчувствия, шагнул в темный после солнечного света коридор.

3

После двух часов полета вертолет пошел на снижение. Мелвин, следивший за проплывающим внизу лесным массивом, успел заметить обширную поляну, у края которой выстроились несколько палаток. Винтокрылая машина описала круг, зависла над посадочной площадкой и, громыхая разболтанными перегородками, ткнулась в траву. Штурман с лязгом отодвинул дверь, и Мелвин первым прыгнул на землю.

От недавней болтанки слегка мутило. Он оглянулся и увидел приближающегося со стороны палаток мужчину в полевой армейской форме.

– Инспектор Хесли?! – безошибочно выделил тот старшего. – Мне уже сообщили о вас. Позвольте представиться – майор Макс Тэйлор, командир специального подразделения защиты от радиоактивного, химического и бактериологического заражения.

Мелвин представил членов комиссии. Тэйлор предложил пройти к палаткам и по ходу стал объяснять обстановку.

– Разбивка лагеря еще не закончена. С минуты на минуту ожидаем прибытия механизированного взвода санитарной обработки. Район предполагаемого заражения находится милях в тридцати. – Он показал на возвышающуюся неподалеку горную гряду. – К месту взрыва вас будет сопровождать группа лейтенанта Асареса. Сейчас он занимается подготовкой вездехода и скоро подойдет. Асарес и его команда – отличные ребята! Несколько лет назад они принимали участие в термоядерных испытаниях на архипелаге Трех Тысяч Дев. Признаться, я был бы в затруднении, если бы на их месте оказались другие. Эти парни столько повидали, что потеряли способность удивляться. Думаю, они составят вам неплохую компанию, и вы быстро найдете общий язык.

Остановившись у крайнего полусобранного каркаса, Тэйлор придирчиво осмотрел пластиковые трубчатые соединения, после чего добавил:

– Перед началом операции мы обсудим программу действий и уточним маршрут следования. Дорог здесь нет, поэтому трассу придется прокладывать с учетом особенностей рельефа.

– Скажите, а почему бы нам сперва не осмотреть «Объект» с воздуха? – поинтересовался еще не пришедший в себя после перелета Блэкфорд.

– Мы пытались это сделать на рассвете, но не смогли пробиться в глубь хребта из-за наплывшей облачности, – охотно пояснил Тэйлор. – Здесь особый микроклимат, обусловленный смыканием гор с равниной, поэтому приходится считаться с капризами погоды. Кроме того, в такие дни в межгорных впадинах образуются вихревые потоки, которые создают опасность при полетах на малой высоте. Нельзя исключать и возможность радиоактивного заражения над источником.

– Господин майор, а что вы сами об этом думаете? – нетерпеливо, а потому излишне резко спросил доктор Ланке.

Тэйлор поежился так, будто за воротник ему налили холодной воды, неопределенно усмехнулся, после чего без особого энтузиазма сказал:

– Честно говоря, у меня нет ответа. Очень странная и непонятная история... С одной стороны, вроде бы всё ясно. Но с другой... – Он запнулся и, как показалось Мелвину, напрягся словно перед прыжком в прорубь. – С другой... словом, в информации, которой мы располагаем, есть несколько необычных деталей. Я не хотел бы повторяться, поэтому дам пояснения, как только экипаж будет в сборе.

– Спасибо! – буркнул Ланке, настроение которого от такого ответа отнюдь не улучшилось.

Между тем Джесси нарвала букетик ромашек и теперь, перебирая их, с интересом прислушивалась к разговору мужчин.

Тэйлор озабоченно посмотрел на часы.

— В вашем распоряжении еще минут двадцать. Можете осмотреться и привести себя в порядок. Я вынужден временно покинуть вас. Сроки поджимают, а подготовка еще не завершена... — Он коротко козырнул и отошел к штабелю ящиков, где солдаты разбирали походное имущество.

Мелвин и его спутники с волнением стали вглядываться в окружающий ландшафт. Поляна, на которой они приземлились, находилась в долине небольшой, но полноводной реки с истоками, затерявшимися где-то в глубине бескрайнего хребта. Вокруг плотной стеной стоял хвойный лес с густым подлеском.

Высокая гряда, скрывающая конечную цель путешествия, смутно возвышалась вдали и ничем, на первый взгляд, не выделялась среди остальных вершин.

— Как вы думаете, профессор, сумеем мы пробиться сквозь этот каменный частокол? — спросил Мелвин, изучая открывшуюся панораму.

— Полагаю, что да. Майор наверняка нашел решение. Насколько я понял, нам предстоит лишь уточнить маршрут, а не заниматься его поисками.

— Не знаю, как вы, а я, например, не обнаружил ничего такого, что нарушало бы естественную гармонию этих мест.

— Изменений действительно нет. Хотя с такого расстояния мы можем их не видеть. Жаль, конечно, что не удалось осмотреть горы с воздуха. Дополнительная информация пришла бы как нельзя кстати.

— Да, старый Охонгас не спешит раскрывать свои тайны, — рассеянно заметил доктор Ланке.

У Джесси вырвался непроизвольный вздох.

— Интересно, что ожидает нас впереди?!

Ланке, пожалуй, единственный из всех, был рассеян и погружен в свои думы. Вот уже несколько лет он вел в печати непримиримую дискуссию о происхождении жизни со своим оппонентом профессором Таубе. Ланке утверждал, что зарождение и развитие живой материи является следствием процессов, заложенных в самих основах мироздания, и происходит в масштабах всей Вселенной. Профессор Таубе, наоборот, считал, что жизнь, как уникальнейшее явление природы, возникла на Земле в результате случайного совпадения многочисленных благоприятных факторов. Любое предположение о существовании жизни в космосе приводило его в неистовство. Дискуссия шла с переменным успехом, бездоказательно, основываясь на общих философских рассуждениях и анализе одних и тех же земных примеров, которые каждая сторона истолковывала в свою пользу. Как микробиолог, Ланке отстаивал свои позиции на молекулярном уровне. Он считал, что в космосе возможно существование живых клеток, и не касался проблемы возникновения Разума, понимая, что такая постановка вопроса только ослабит его позиции и не найдет поддержки в серьезных научных кругах. Он и сам мало верил в существование высокоразвитых цивилизаций, отчетливо представляя глубину той пропасти, которая отделяет амебу от человека. Он хорошо знал, какой сложный путь развития претерпел органический мир Земли, двигаясь вслепую, неоднократно заходя в тупик и не единожды почти полностью прерываясь в результате катастроф. В возможность контактов он, исходя из здравого смысла, вообще не верил. Участие в работе спешно созданной комиссии представлялось ему теперь в довольно экстравагантном свете. Если распространятся слухи о космическом происхождении взрыва — а это обязательно произойдет, в любом случае... хотя бы по вине всё тех же, всюду сующих свои носы журналистов, — то его роль в этом расследовании сразу выплывет наружу. Хорошую же свинью подложил ему полковник Рейдер, обязав искать внеземные следы, поставил его в один ряд с жалкими недо-

тепами, которые на каждом перекрестке трубят о сверхцивилизациях и рассылают в космос восторженные приветствия на всех мыслимых и немыслимых диапазонах. Его противники, а в первую очередь профессор Таубе, конечно же, не упустят возможности поиздеваться, решив, что он – доктор Ланке – специально напросился в комиссию с целью поисков инопланетян. «Это задание надо хранить в строжайшей тайне», – опасливо подумал он. Иначе его научный авторитет может сильно пострадать. Он как бы уже слышал со стороны скептические реплики и насмешливый шепот седовласых членов ученой коллегии: «Вы говорите, выходит новая книга?.. Серьезный исследователь?.. Интересно, кто такой? А-а, Питер Ланке! Знаем, знаем!.. Это тот, который в горах Охонгас инопланетян искал. Не перевелись же еще чудачки!..»

Его размышления прервал голос Джесси:

– Доктор, а что думаете вы о случившемся? Сейчас мы условно разделились на два лагеря. Инспектор Хесли, конечно же, считает, что взрыв произошел по вине неких таинственных злоумышленников, и думает лишь о том, как бы поскорей их изловить. Не так ли, господин Хесли?

Перед Мелвином стояла совсем другая женщина. От ее бывлой официальности и смущения не осталось и следа. Джесси всё больше осваивалась в непривычной поначалу обстановке и уже чисто по-женски пыталась управлять своими спутниками.

– Да, именно так я думаю... – Он запнулся и тут же поправился: – Верней, должен так думать. И обязан – да-да, не иронизируйте – искать доказательства, а также возможных преступников и свидетелей. Но я очень хотел бы ошибиться, а главное, подтвердить фактами отсутствие в случившемся злого умысла.

– Мое мнение также изложено с полной определенностью и не требует дополнений, – она послала Мелвину обворожительную улыбку. – Так что, господин инспектор, мы с вами занимаем диаметрально противоположные позиции. Профессор Блэкфорд, судя по его осторожным высказываниям, вроде как избрал роль арбитра. Остается доктор...

Ланке снисходительно дождался, пока коллеги выговорятся, принял степенную позу и, обращаясь ко всем сразу, сказал:

– Джесси совершенно верно заметила о существовании двух противоположных мнений, одно из которых, надо полагать, соответствует истине. На мой взгляд, причину взрыва следует искать на земле, и я убежден, что это подтвердится, как только мы достигнем эпицентра. Вероятней всего, в горах проводилось испытание нового вида оружия. Но... благодаря поручению полковника Рейдера, – он усмехнулся своим мыслям, – я стал невольным сторонником космической версии и в силу сложившихся обстоятельств должен ее отстаивать. Так что...

Он многозначительно пожал плечами и хотел на этом подвести черту, но извечная тяга к подшучиванию и на сей раз не позволила удержать на лице маску важности. Широко улыбнувшись, он обвел экспертов повеселевшим взглядом и не без иронии добавил:

– А вообще-то, Джесси, среди нас только вы хотите, чтоб ваше мнение подтвердилось. Инспектор, например, признался, что с радостью принял бы ваш, космический вариант, хотя должен доказывать обратное. Я, наоборот, против него, но вынужден поддерживать...

– Перестаньте! – с неодобрением проговорил Блэкфорд. – Мы еще не прибыли на место, а вы уже спорите, что-то выясняете и делаете бездоказательные выводы. На вас, Питер, это совсем не похоже. Чем болтать зря, лучше бы рассказали о той работе, которую поручил вам Рейдер. И покажите, наконец, что вы прячете в своем магическом ящике?

– Пожалуйста! – с запоздалой готовностью ответил доктор и принялся расстегивать ремни объемного короба, с которым до этого ни на минуту не расставался. Повозившись с замком, он с видом фокусника откинул крышку, и глазам экспертов открылись ряды про-

бирок в штативах, колбы с бесцветными жидкостями, пачки фильтровальной бумаги, вата, пинцеты и прочая нехитрая мелочь.

– Эта походная лаборатория предназначена для отбора проб воздуха, воды и грунта с целью определения микрофауны, растительных спор и пылицы.

– Надо же, – фыркнул Блэкфорд, подозрительно рассматривая содержимое ящика. – Я думал, эта работа давно компьютеризирована.

– Это у вас шагу нельзя ступить без моделирования, – парировал Ланке. – Я же при случае могу работать и по старинке...

Никто не заметил, как из-за ближних сосен появился Тэйлор в сопровождении четырех бойцов.

– Лейтенант Асарес и его поисковая группа, – представил он своих спутников.

Лейтенант, стройный подтянутый брюнет с южным типом лица и аккуратно подстриженными усами, вежливо поздоровался, стряхнул с пилотки приставшие хвоинки и, демонстрируя образцовую выправку, сдержанно улыбнулся.

– У нас всё готово. Осталось взять запасные батареи и воду.

Его лаконичная речь, ровный голос и спокойный взгляд черных, слегка раскосых глаз свидетельствовали о незаурядной внутренней силе и самообладании.

Остальные члены экипажа, перепачканные землей и машинным маслом, были одеты в поношенную, выгоревшую от солнца форму, без ремней, с закатанными рукавами серых армейских рубаш. Они стояли позади командира, бросая скучающие взгляды на приезжих и, казалось, испытывали то особое превосходство над окружающими, свойственное всем незаменимым людям.

– Рой считает, что после такой профилактики мы играючи взлетим на любую из этих вершин, – улыбка Асареса стала чуть шире, и он дружески хлопнул по плечу водителя.

– Да, – невозмутимо ответил тот, обращаясь к старшему по званию. – Техника подготовлена и не должна подвести. Насчет вершин, правда, не обещаю, но, думаю, по склонам сможем передвигаться.

– Вот и отлично! – не скрывая удовольствия, сказал Тэйлор. – Теперь дело за нами. Прошу следовать за мной, – и он направился к большой палатке, возвышающейся острокопечным шатром в центре лагеря.

В нос ударил запах свежеструганого дерева. Переступив бревенчатый порог, Мелвин первым делом увидел у окна складной походный стол, на котором разостланной скатертью лежала топографическая карта. На полу вразброс стояли окованные железом ящики с треугольными штампами военного ведомства на крышках. На дощатом стеллаже громоздились приборы. Рядом на таких же складных, обтянутых брезентом стульях сидели два радиста с подключенными наушниками. Они не обратили на вошедших ни малейшего внимания.

Расселись, кто как сумел, на ящиках. Тэйлор подошел к ближней рации, выудил из-за нее толстую тетрадь, дважды перелистал плотно исписанные страницы и всё еще занятый своими заботами отвлеченно проговорил:

– Как вы знаете, ночью в горах произошел взрыв, наделавший немало шума не только здесь, но и на всем Континенте. Отсюда, – он кивнул на радиостанцию, – каждые полчаса передается сводка о радиационной обстановке...

Наконец он нашел то, что искал, сделал короткую запись, передал тетрадь радисту и с облегчением вздохнул.

– Теперь всё! У нас остается несколько минут, поэтому я перехожу к делу.

Откашлявшись, он снял фуражку, разгладил примятые волосы и уже другим, лишенным армейской сухости голосом продолжил:

– На рассвете нас подняли по тревоге и высадили здесь с техникой и снаряжением. С утра, а скорей даже ночью, погода испортилась, наплыли тучи, поэтому нам удалось прове-

сти только общую рекогносцировку наземными группами. В предгорьях выставлены посты. Радиоактивность здесь хоть и выше фона, но в пределах нормы. По сообщениям поисковых групп, в пограничном районе нет разрушений или пожаров. Дальше мы заходить не стали, ожидая прибытия экспертной комиссии, то есть вас...

Тэйлор присел на краешек заменяющей лавку доски, забарабанил пальцами по крышке стола, затем достал сигарету и стал ее разминать.

– Вы спрашиваете мое мнение, – вдруг резко и без переходов сменил он тему. – Могу лишь с уверенностью сказать – это не ядерный взрыв в привычном понимании. Я видел своими глазами, что творится после испытаний атомных и водородных бомб. Между тем и этим – никакого сравнения... Подрыв кумулятива с излучением типа нейтронной или вакуумной бомбы тоже отпадает – толчок зафиксирован за тысячи миль от эпицентра. А тут вообще такое закрутилось... – В его голосе опять зазвучала неуверенность. – Право, не знаю. Не соображу, как вести себя... что говорить... А впрочем, слушайте и делайте выводы сами. Три часа назад одна из поисковых групп наткнулась на полуразваленную хижину. Рядом в бесчувственном состоянии лежал человек. Как выяснилось, им оказался старик из Гартенберга по имени Стив Гартнер, промышлявший в предгорьях заготовкой сосновой смолы. В сезон сбора таких сюда приезжает много... К счастью, остальные сборщики на днях разъехались. Сегодня должны были забрать и его... Так вот, старик был довольно плох. Перелом ключицы и приличная рана на голове. Похоже, что его со всего маху приложило о дерево.

Тэйлор стряхнул пепел в жестянку из-под пива и, устранившись поудобней, облокотился рукой о стол.

– Пришлось изрядно повозиться, но, в конце концов, его удалось привести в себя... если, конечно, так можно выразиться, – снова заговорил Тэйлор. – Старик долго не мог понять, где находится, мычал, стонал, охал, а потом, видимо решив, что оказался на небесах, стал называть нас архангелами и петь псалмы, при этом истово крестился, а в промежутках между песнопением бормотал что-то о свершившемся возмездии, силе адской и каре божьей. Мы поначалу подумали, что он спятил и от него вряд ли удастся чего-то добиться. Но старик оказался крепким. Пара тонизирующих уколов и порция бренди вернули его на землю. В несвязном, путаном рассказе отшельника, лишенном, казалось бы, и доли смысла, улавливалась какая-то странная закономерность, которую я до сих пор не могу объяснить. Мы заставили его несколько раз повторить всё то, что он якобы видел, с тем, чтобы попытаться отделить правду от вымысла. Гартнер каждый раз говорил по-разному, сбивался, отводил много места описанию каких-то демонов, нечистой силы, упоминал всевышнего и почти за каждым словом обращался к нему с призывами. Но в этих маловразумительных бреднях постоянно отмечались одни и те же детали, вроде бы не свойственные его интеллектуальному уровню. Вряд ли фантазия этого фермера могла пойти дальше примитивных образов чертей, леших или божественных идолов. Предупреждаю!.. – Он предостерегающе вскинул руку. – Из рассказа Гартнера я выделил то, что может иметь практический интерес... то, что содержит пусть сомнительную, но хоть какую-то логическую основу, которую нам удалось нащупать подобранными тестами. Повторяю, у меня нет на этот счет своего мнения. И откровенно признаюсь – когда я попытался проанализировать открывшиеся факты, вникнуть в подробности, понять, что там произошло, я стал казаться себе полным идиотом.

Неожиданно радист приступил к передаче сводки и прервал разговор. Его мерный, лишенный интонаций голос несколько минут дублировал в микрофон комбинации цифр зашифрованного текста. Гости сидели и терпеливо ждали. За всё время никто не проронил ни слова. Закончив сеанс, радист сделал отметку в электронном блокноте и вновь углубился в прослушивание эфира.

Тэйлор затушил окурок, помассировал затылок и, стараясь избегать нацеленных на него взглядов, стал излагать дальше.

– Так вот, старик рассказал, будто ночью видел светящийся диск, который лежал на земле подобно перевернутому блюдцу. Сначала он сверкал, изменял форму, вытягивал вверх и в стороны шевелящиеся щупальца, а затем погас. Какое-то время над ним сияла широкая, вполнеба радуга, яркая и контрастная. Еще Гартнер успел заметить, что разбросанная у костра утварь, одежда и его руки засветились мертвенно-зеленым фосфорным светом, а с деревьев посыпались искры. Но самое главное, на диске... старик клянется, что не врет... на диске был начертан... черный крест!

Да, чутье не подвело Хесли. Внезапный вызов к Рейдеру, спешно сформированная комиссия со столь странным уклоном, перелет в этот медвежий угол и даже то, что довелось узнать ранее, похоже, лишь прелюдия к событиям куда более эксцентричным. Да, они понимали, что произошло какое-то нестандартное событие. Но то, что сообщил Тэйлор...

– Черный крест! – воскликнул или скорей даже простонал доктор Ланке. – Боже мой! Это предел абсурда... потолок нелепицы! Признаюсь честно, я ожидал всего. Как это ни трудно, сумел себя настроить на самое сверхнеожиданное. Пусть это будет метеорит... комета... что угодно! Одно это уже способно поставить на уши научный мир. Но крест!

Он бессильно развел руками, запыхтел, словно кузнечный мех, и снова налился жаром.

– Нет, это невозможно! Тут даже приземление корабля с инопланетянами может показаться не более странным, чем выпавший зимой снег! Нет, и еще раз нет!.. Старик перенес потрясение и на этой почве стал заговариваться. Да и не удивительно. Бедняга! Теперь я понимаю, почему он принял вас за святых. Находясь в плену дикарских суеверий, он вообразил, будто перед ним явилась сверхъестественная сила. А недалекое воображение дорисовало в помутившемся сознании церковный крест и вызвало иллюзию реальности начитанных местным пастором библейских сцен.

– Мы тоже сначала не поверили, – устало возразил Тэйлор. – Думали, бред выжившего из ума бродяги. Я уже говорил об этом. Но дело в том, что старик, болтая о чем угодно, всякий раз описывал крест с удивительным постоянством. Я имею в виду внешний вид, размеры, форму... Кроме того, это не совсем то, что вы думаете.

Он начертил на обрывке бумаги фигуру наподобие парашютного купола, а из ее центра, за пределы, вывел вверх и в стороны три расходящихся луча и один короткий вниз. На фоне купола образовался пересекающий его крест с длинными ветвями и укороченным основанием.

– Вот что видел Гартнер, – сказал Тэйлор и передал набросок Блэкфорду.

– Больше напоминает крылья ветряной мельницы с обрубленной нижней лопастью, – отметил профессор после того, как старательно перенес рисунок в блокнот.

– За точность изображения не ручаюсь, но, по его словам, крест выглядел именно так.

– Очень интересно, – сказал Блэкфорд и передал бумагу остальным.

– Но вы сами-то представляете, что всё это значит? – не унимался Ланке. – Мистика, да и только! Диск... блюдец... крест!.. Тарелка с инопланетянами!.. – Он нервно засмеялся. – Хотел бы я видеть выражение лица полковника Рейдера, когда он получит сообщение, что нами обнаружен неопознанный объект, украшенный не иначе как магическим крестом.

– Успокойтесь, доктор! – попыталась утихомирить его Джесси.

Но Ланке, похоже, завелся не на шутку.

– Помилуйте! – в сильнейшем волнении вскричал он. – Как я могу быть спокоен, когда подобное заявление способно вызвать шквал идеологического суесловия! Нас поднимут на смех, если мы всерьез примем байки старого болтуна, а потом всех скопом отправят в сумасшедший дом!

Он вдруг представил злорадное лицо профессора Таубе. Мысль о том, что Таубе, узнав о таких подробностях, непременно станет его высмеивать или, пуще того, распускать всякого рода небылицы, только сейчас пришла ему в голову.

«Черт возьми! – лихорадочно подумал он. – Теперь мне ни за что не выпутаться из этой скверной истории!»

– Перестаньте же, наконец! – не выдержал Блэкфорд. – Сколько можно твердить одно и то же! Сначала хорошенько думайте, а потом говорите. Вы слышите, Питер? Думайте! Пора бы уже привыкнуть к неожиданностям. Сами видите, какой сегодня денек. И без того ясно – «Объект» по многим параметрам не соответствует ни одному из известных науке примеров. К тому же я полностью разделяю мнение господина Тэйлора и тоже считаю, что одно лишь воображение Гартнера не могло создать такой картины.

Он поднял над головой блокнот, развернул его так, чтобы всем было видно, и уже спокойным голосом сказал:

– Обратите внимание на рисунок. Если продолжить дугу купола с двух сторон вниз, то при желании можно получить одну из геометрических фигур: будь то овал, эллипс или обычный круг. Разве удивляет кого краешек луны или солнца над горизонтом в ясную погоду? По виду они тоже не отличаются от перевернутого блюдца. Гартнер вполне мог находиться в такой точке, откуда видел всего лишь верхнюю часть вспышки и принял ее за диск. Поэтому нельзя исключать, что в его словах есть определенная доля истины.

– А черный крест, по-вашему, тоже правда? – с издевкой спросил уязвленный замечанием Ланке.

– Пока не знаю. Давайте лучше разбираться от известного – по порядку и по существу.

Мелвин с уважением следил за профессором, отдавая должное его проницательности. Как легко и просто он находит ответы на неожиданные, а главное, совершенно неразрешимые с его точки зрения вопросы. На память пришли похвальные слова Рейдера в адрес экспертов, и от этого он почувствовал себя уверенней. «Судя по всему, их споры только помогают нащупывать дорогу в дебрях неопределенности, – подумал он. – Сейчас главное – стронуться с места, а там, глядишь, наступит и мой черед». Он закурил и, решив без необходимости не вмешиваться, приготовился слушать дальше.

Слова попросила Джесси.

– Господин майор! А что еще говорил Гартнер? И, кстати, где он сейчас?

– Главное я изложил, – ответил Тэйлор. – К сожалению, светлый промежуток в его памяти оказался недолгим. Вскоре он опять стал бредить. Думаю, не обошлось и без повышенной дозы радиации... – Он наморщил лоб, припоминая. – Кажется, говорил о таинственной притягательной силе креста. Она неудержимо тянула его к диску и не давала возможности сопротивляться... О каком-то терновом венце, якобы надетом на его голову демонами... Вспоминал свою жизнь, какой-то самолет, аэродром и еще целый ряд вещей, не имеющих связи с интересующими нас вопросами. Потом ему дали снотворное и отправили в госпиталь. Запись разговора затребовал Центр. Вот, пожалуй, всё, что я могу добавить. – Он замолк и покосился на Мелвина, как бы извиняясь за скудность сведений.

Время близилось к полудню. С гор всё ближе накатывали клубящиеся тучи. На палаточном окне, обтянутом целлулоидной пленкой, **вырезались** первые пунктиры дождевых капель.

– Пора приступить к обсуждению организации перехода, – вернулся к текущим делам Тэйлор. – Лейтенант! – обратился он к Асаресу. – Подсаживайтесь ближе. Нам надо вплотную заняться картой. Для начала необходимо выработать единую терминологию и определиться с кодовым названием очага заражения. У кого будут предложения?

Блэкфорд поднял руку, заговорщически подмигнул Мелвину и сказал:

– У меня есть мысль, и я хотел бы вынести ее на обсуждение.

– Пожалуйста, мы слушаем вас.

– Предлагаю дать название нашему феномену.

– Какое же?

– «Объект Крейц».

– Крейц? – Теперь уже на лице Тэйлора отразилось удивление. – Простите, а что это такое?

– Слово «крейц» в переводе с немецкого означает «крест». Надеюсь, вы понимаете, что символика здесь не при чем. Ни тайного смысла, ни завуалированного намека – ничего этого нет... Просто слово краткое, удобное и вполне понятное тем, кто имеет отношение к проблеме. Заодно отдадим должное Гартнеру, как первоочевидцу... – Он со значением усмехнулся. – Может, в дальнейшем это зачтется и принесет нам удачу.

– А что? – хохотнул Тэйлор. – Удачная мысль. И прямо в точку!.. Я поддерживаю. А как остальные?..

Запротестовал только Ланке. Крайне расстроенный таким оборотом, он в отчаянии заломил руки.

– Опомнитесь, профессор! Не искушайте судьбу! Тем самым вы признаете достоверность болтовни старого дуралея! А что будет с нами?.. Как вы покажетесь в свет с объяснением случившегося? Что скажете Рейдеру?..

– Бросьте, Питер! – отмахнулся Блэкфорд. – Не торопитесь приписывать мне идеалистические взгляды. Я был и продолжаю оставаться убежденным материалистом, но в отличие от вас никогда не был перестраховщиком и не боюсь пустословия.

Ланке покраснел и обиженно надулся.

– Как знать! – сердито пробормотал он. – Не кощунствуем ли мы? Не смеемся ли над собой?

– Итак, решено! – подвел черту Тэйлор. – Отныне источнику присваивается наименование «Объект Крейц». Под этим же кодом он будет фигурировать в сводках и донесениях. Наш позывной «база», вы – «экипаж». Программа должна проводиться в строгом согласовании с базой. В исключительных случаях право принимать решения и действовать в соответствии с обстановкой остается за Асаресом. Он также может изменить маршрут или прервать его.

– Понятно, – невозмутимоотреагировал Асарес. – Мы будем действовать, как предписывает инструкция.

– «Объект» находится здесь... – Майор и Асарес склонились над картой. Остальные расположились полукругом сзади.

– Не забывайте, лейтенант, координаты на плане приблизительные, поэтому ошибка может достигать нескольких километров.

– О'кей! Там, наверное, такого наворочено, что не заметить эту штуковину невозможно.

– Здесь, – Тэйлор обвел пальцем жирный красный контур, – проходит граница заражения. Черный кружок рядом – хижина Гартнера. Подобраться к «Объекту» напрямую нельзя. Я предлагаю дорогу в обход с использованием речной долины и оперяющих ее распадков. Так вы дотянете до перевала. Имейте в виду, там самый сложный участок пути. Под перевалом развиты каменные осыпи. По ним вездеход скользит, как по маслу. Наверху сорентируетесь и подыщите место для спуска. Думаю, там вы окончательно определитесь. Будем надеяться, что погода наладится и тучи отойдут. Дождь может всё испортить. Но хуже всего туман. Если дойдет до этого, возвращайтесь.

Он еще раз оглядел экипаж и напомнил Асаресу:

– Надо бы убрать из машины всё лишнее и поудобней разместить гостей.

– Да. Я решил оставить только дубликаты приборов и резервную емкость для топлива.

Лейтенант достал из своего планшета такую же карту и стал переносить на нее пометки Тэйлора.

После уточнения деталей стали собираться. Майор договорился с Мелвином о порядке передачи информации в УОБК и напоследок сказал:

– Перед отъездом вам с коллегами следует прослушать инструктаж и переодеться. Я займусь подготовкой группы управления. Отсюда мы будем координировать ваши действия и следить за продвижением.

В наступившей тишине повисло тревожное и тягостное ожидание – все ждали чего-то такого, что не поддавалось восприятию ни умом, ни интуицией. Кроны подступающих к поляне деревьев растрепал порыв шального ветра. В туго натянутый брезент палаточной крыши звонко, как в барабан, ударила тяжелая капля. Операция «Крейц» началась...

4

Вот уже второй раз за последние полгода Стефан Циммер остался без работы. Три месяца суматошной жизни в кутерьме дел, встреч, звонков, ругани, в непрерывном поиске подходящих тем пролетели как одно мгновение. Редакция еженедельной газеты «Новый Глобус», одного из популярнейших изданий в центральной части Континента, расторгла с ним контракт. Причиной тому послужил его последний материал в защиту требований профсоюза работников промышленного концерна. Поговаривали, будто у главного редактора возникли из-за этого неприятности. В своей статье Циммер открыто высмеивал конкретных лиц из числа верхушки города, пытающихся отговорками и пустыми обещаниями увильнуть от решения социальных и экономических вопросов.

Поначалу, казалось, ничто не предвещало грозы.

Материал в обычном порядке был рассмотрен в секретариате, а затем одобрен членами редакционного совета.

Статья была напечатана, но не понравилась владельцам акционерной компании. Они не собирались считаться с требованиями профсоюзов, но всячески скрывали это, затягивали переговоры и настойчиво пытались повернуть дело в русло бесконечного разбирательства. В истории с Циммером решающую роль сыграл принцип: у кого деньги, тот и заказывает игру. Сперва надавили на редактора. Тот в свою очередь вызвал заведующего отделом, где работал Стефан, и больше часа держал его у себя. О чем они говорили – осталось тайной. Но когда заведующий, отдуваясь и вытирая с лица пот, вылетел из редакторского кабинета, всем стало ясно, что он получил хорошую трепку.

А дальше всё полетело кувыркком. Циммеру выдали расчет и выставили на улицу. Сперва он пытался что-то доказывать, грозил редакции судом, клялся, что отправит разоблачительное письмо президенту и выставит на всеобщее обозрение глубоко порочную практику сложившихся в газете отношений, где всё основано на круговой поруке, взятках и гонениях на честных, по-настоящему преданных делу работников. Но потом понял бессмысленность этой затеи и, смирившись с жестокостью равнодушного и безразличного мира, махнул на всё рукой.

Потом Стефан, ни на йоту не веря в успех, стал обзванивать редакции. Но тщетно. Всюду, как и ожидалось, ему отвечали отказом. Но когда остатки надежды вот-вот должны были угаснуть, выяснилось, что в одной многотиражке через неделю уходит на пенсию репортер. Место, насколько он понял, пока оставалось не занятым. Видимо, судьба таки решила сжалиться над ним, сперва наказав за несдержанность и легкомыслие. Как оказалось, в этой самой газетенке работает знакомый со времен студенчества журналист. Как он туда попал – было непонятно. Скорей всего, тоже по несчастью. Но сейчас для Стефана это оказалось как нельзя кстати.

Ему не составило труда уговорить своего знакомого походатайствовать перед руководством. Тот пообещал решить вопрос в течение недели.

«Пусть для начала будет так, – думал Циммер. – Может, хоть там работают нормальные люди, с которыми получится сотрудничать, не опасаясь в любой момент получить пинка под зад...»

Теперь у него в запасе была неделя, и это время можно было использовать на что угодно. Деньги, если останутся после оплаты долгов, надо будет как-то растянуть до первого аванса, а в более отдаленное будущее Стефан старался не заглядывать.

После недолгих раздумий он решил посвятить незапланированный отпуск своей книге. Задуманная как цельное художественно-публицистическое повествование о судьбе талантливого, но так и не сумевшего найти дорогу в раздираемом противоречиями мире человека,

она постепенно, на протяжении нескольких лет зрела в его сознании. Время от времени он перечитывал наброски глав и каждый раз приходил к выводу, что их содержание далеко не в полной мере отвечает глубине первоначальных замыслов. Книга требовала серьезного и постоянного внимания. Но Стефан, вечно испытывая недостаток времени, захваченный, как и все, бешеным ритмом жизни, порой надолго забывал о ней, и тогда растрепанная, наспех засунутая в помятую папку рукопись месяцами пылилась где-нибудь на полке или под диваном.

Итак, решено! Наконец-то он займется книгой, подготовит ее к печати и попробует протолкнуть через одного знакомого издателя. Если это удастся, то на полученный гонорар можно будет неплохо отдохнуть с Дорис.

При мысли о Дорис он вспомнил, что с утра обещал ей позвонить. Они встречались почти каждый день, и, казалось, оба были довольны сложившимися отношениями. Правда, Стефан в глубине души понимал, что Дорис, как и любая женщина, мечтает о семейном очаге и только ждет от него предложения. Но он твердо решил не заводить на этот счет разговоров, пока окончательно не сформируется как личность, не определится с постоянной работой и не накопит хоть немного денег для начала совместной жизни. Несмотря на неудачи, он твердо верил, что когда-нибудь выберется из полосы невезения, обязательно разбогатеет и станет знаменитым. Его жизненная философия основывалась на том, что каждому человеку хоть однажды, но предоставляется шанс ухватить удачу. Надо лишь вовремя подсуетиться. Как говорят: «Ищущий, да найдет!» А пока, в ожидании лучших времен, приходилось довольствоваться крохотной комнаткой на четвертом этаже мрачного обветшалого здания, углом выходящего на пересечение Уайз-Гарден-Стрит и Флэшинг-Роуд, которая лишь благодаря стараниям Дорис поддерживалась в сносном состоянии.

Он позвонил в институт информационных связей, где Дорис работала программистом, и первым делом сообщил, что его уволили с работы. Похоже, что это известие не удивило ее. По крайней мере, Дорис ничем себя не выдала, и от того, что удалось избежать неприятного объяснения – а именно этого он сейчас больше всего боялся, – настроение Стефана улучшилось.

Первое время мысли его постоянно возвращались к оставленной работе. Он то и дело поглядывал на часы, вспоминая о назначенных встречах. Теперь это было в прошлом. И даже потеря с таким трудом налаженных контактов, совершенно необходимых для успешного продвижения по службе, уже не вызвала сожаления, горечи или недовольства собой.

Постепенно отвлекаясь, Стефан всё больше думал о будущей книге. Перспектива реализации давних творческих замыслов наполняла жизнь новым, особым смыслом. От предвкушения интересной, свободной от постороннего вмешательства работы он окончательно пришел в доброе расположение духа. И в самом деле – нет худа без добра! В постоянной гонке за новостями, в сутолоке редакционных оперативок и речи быть не могло о том, чтобы выкроить хотя бы несколько дней для неторопливого осмысливания сюжета, компоновки текста и оттачивания формы изложения. А так у него в запасе целая неделя... За это время вполне можно успеть привести к единой системе черновые записи и наброски.

Его охватило непреодолимое желание сразу же засесть за рукопись... Но, мысленно представив скромное убранство своего жилища с маленьким оконцем под потолком, которое пропускало так мало света, что внутри царил вечный полумрак, он поостыл. Конечно, для этой цели лучше бы подыскать другое место. Да и Дорис, надо полагать, не даст ему возможности прожить эти дни отшельником.

Размышляя таким образом, Стефан пришел к выводу, что если куда и отправиться, то, пожалуй, в такое тихое местечко, где заодно можно и сил поднабраться. Он вспомнил, как в начале лета выезжал по заданию редакции в один из отдаленных уголков. Память еще хранила красоту горных пейзажей, величавую первозданность бескрайних лесов и удивитель-

ную прозрачность вод Колд-Маунт-Ривер. Да, лучшего места не найти. Завтра же утром он вылетает в Гартенберг.

5

Мощный армейский вездеход радиационной и химической разведки медленно и осторожно продирался сквозь дебри дремучего леса. Полторы тысячи лошадей, спрятанных в обтекаемом корпусе, дремали, готовые в любую минуту рвануть во всю силу железных мышц. Тяжелые гусеницы с треском ломали кустарник, с одинаковой легкостью подминали ветки и целые деревья, обдирая кору и листья с вздрагивающих под многотонной массой стволов, с лязгом вдавливали в землю валуны и коряги, оставляя позади широкую свежеевспаханную полосу.

Маршрут пролегал неподалеку от русла реки. На пути часто встречались глубокие ямы с обрывистыми берегами, заросшие непролазным тростником, сквозь который проглядывали разводья черной стоячей воды. Преодолеть их было невозможно, поэтому приходилось отступать, менять направление и обходить опасные места. Из-за ограниченной видимости двигались почти вслепую.

Бронированный корпус машины был обшит чехлом из свинцовых пластин, предохраняющих кабину от радиации, а стекла узких, как бойницы, иллюминаторов изготовлены из особого состава, способного поглощать излучение. Но, несмотря на это, члены импровизированного экипажа были одеты в защитные комбинезоны с гермошлемами и в случае необходимости могли переключаться на автономный режим с индивидуальной подачей кислорода.

Мелвин с Блэкфордом устроились впереди между водителем и Асаресом. Джесси и доктор Ланке разместились в заднем отсеке в обществе дозиметриста Эдвина Свенсона и химика-аналитика Джима Барки.

Было тесновато – как-никак, а экипаж увеличился вдвое, но присутствие экспертов почти не сказывалось на отлаженных действиях многоопытной четверки.

Как и говорил Асарес, всё, что можно было оставить, оставили. Но зато прихватили букетик ромашек Джесси – талисман удачи.

С тихим шелестом включались насосы автоматических газоанализаторов, отбирая пробы наружного воздуха. Дозиметры замеряли уровень радиации как внутри машины, так и за ее пределами. Рядом с их подрагивающими стрелками светились глазки индикаторов, сигнализируя о готовности в любой момент отреагировать на изменение обстановки.

Ланке быстро вжился в новый коллектив. Его активная натура и здесь жаждала деятельности. Не зная, чем заняться, он уже показывал сержантам содержимое своего ящика и объяснял, как им пользоваться.

– Приближаемся к району переправы, – передал на базу Асарес. – Работаем на первом диапазоне. Радиация двадцать микрорентген – в пределах нормы. Состав воздуха обычный.

Мелвин уже знал, что в обязанности командира, кроме всего прочего, входило и детальное комментирование маршрута. Асарес должен был передавать то, что видел, слышал, даже если всё вокруг оставалось в первозданной неизменности. Обмен информацией производился по каналам космической связи. Внутренние переговоры записывались и тоже ретранслировались на базу. Казалось, всё было учтено. Сотни, если не тысячи, пар глаз следили за экранами локаторов, вглядывались в разноцветные табло и распечатки компьютеров, в бесчисленные колонки цифр, графики и диаграммы. Все ждали, что будет дальше, волновались вместе с экипажем, волновались за экипаж и, пожалуй, даже больше, чем сами члены экипажа...

Вездеход приблизился к заросшему тальником берегу и остановился. Асарес и Рой вылезли наружу, чтобы без помех осмотреть местность.

Ширина русла здесь достигала ста метров. За кустами тянулась узкая песчаная коса. Дальше, на беспокойной водной поверхности вскипали буруны, отмечавшие расположение подводных валунов. По фарватеру стремительно проносился поток мутной воды, в котором тускло отражалось пасмурное небо. Река с глухим рокотом перекачивала по дну камни, играючи расшвыривала по отмелям стволы вековых деревьев, вздымалась яростной волной у отвесного прижима на повороте.

– Глубина здесь приличная. Да и течение быстрое, – заколебавшись, сказал Рой.

– Этого я как раз и опасался, – оценил положение Асарес. – В горах прошли дожди. Начинается паводок.

– Все-таки удачно складывается, что река минует район заражения, – заметил Блэкфорд. – Иначе трудно представить, во что могли бы вылиться такие дожди, – попытался он скаламбурить.

– Это приток Колд-Маунт-Ривер, и в ее долине находятся несколько населенных пунктов, – не вдаваясь в подробности, проинформировал Асарес.

«В том числе Гартенберг, который нам предстоит посетить», – подумал Мелвин, но вслух ничего не сказал.

– Будем переправляться тут, – решил Асарес. – Главное, чтобы не унесло за поворот. Там обрывы, на них не выбраться. Если не впишемся в закругление русла, то скалы прижима вообще не оставят надежд.

– Надо попробовать, – согласился Рой. – На поиски другого места можно убить полдня, а вода поднимается. Упустим время – потеряем всё.

– Тогда вперед! – не стал раздумывать Асарес.

Вездеход взревел и черепашьям ходом пополз по кустам.

Под днищем заплескалась увлекаемая течением вода. Маневрируя, Рой направил машину так, чтобы не наткнуться на скрывававшиеся среди пузырящихся гребней камни. По мере продвижения течение всё больше набирало силу. Река с угрожающим рыком стремилась снести возникшую преграду. Массивный корпус вздрагивал и вибрировал под напором. Со стороны Асареса вода поднялась на полметра и упорно стремилась выше.

Рой припал к окну, прибавил скорость и, стараясь править поперек русла, бросил машину вперед. Глубина увеличивалась. Скользя по грунту, вездеход осел и закачался на беспокойной воде, как большой полупритопленный поплавок.

Река успокоилась. Отсалютовав победу фонтаном брызг, она подхватила добычу и понесла ее к повороту. С трудом высвобождаясь из цепких объятий, лишившаяся опоры амфибия медленно, по дуге, продвигалась к цели, работая гусеницами, как лопастями. Крупная зыбь покрывала водную поверхность. Всплески волн достигали иллюминаторов.

Течение оказалось более сильным, чем предполагал Асарес. Откос, на который правил Рой, был уже рядом, а они только приближались к середине русла.

– Самый полный вперед! – командовал Асарес.

Двигатель завыл на пределе. Бешено вращались гусеницы, выбрасывая за кормой каскады клокочущей воды.

Асарес снова полез наверх.

– Не сбавляй обороты! – крикнул он водителю. – Если не удастся закрепиться, постарайся удержаться у берега.

До суши оставалось метров двадцать. Спасительная коса, сужаясь, переходила в обрывистую террасу. В конце мелководья вездеход коснулся дна. Корма еще держалась на плаву, но ее стало разворачивать водоворотом. Отчаянно цепляясь за краешек твердого грунта, пробуксовывая и поднимая тучи ила, стальная махина упорно боролась с рекой. Потом не удержалась, сползла на стрежень и, описывая круги, стала смещаться вниз. Рой всё же ухитрился удержать ее в повиновении. Выждав момент, когда кромка берега снова оказалась по курсу,

он опять попытался преодолеть течение. На этот раз ему удалось достать ложе. Казалось, мгновение – и вездеход сорвется с зыбкой, неустойчивой опоры и тогда уже окончательно окажется во власти потока. Но вот, вгрызаясь в дно и обретая устойчивость, он переполз через отмель и выбрался на луговину.

Вновь тихо и ровно работал мотор, скрывая затаенную мощь. О недавней схватке с рекой напоминали лишь царапины на облепленном листьями корпусе, с которого ручьями стекала вода.

Асарес прыгнул на землю, осмотрел ходовую часть.

– Переправа закончена, – передал он Тэйлору. – Техника исправна. Начинаю продвижение в горы.

Затем занял свое место, вытер с планшета капли воды и облегченно выдохнул:

– Порядок, Рой! Ты сделал всё, как надо... и даже лучше. На буксировку берегом ушла бы уйма времени. Я уже не говорю о худшем.

– Да, непростое вступление! – заметил Блэкфорд. – И судя по всему – многообещающее.

– Похоже, так, – согласился Мелвин.

– Зря не рискуйте, – последовал ответ с базы.

Вездеход тронулся и, пробив заслон из сросшегося кронами кустарника, вырвался на открытое пространство. Теперь путь лежал вверх по ручью, петлявшему в стелящихся зарослях.

Дождя не было, но плотные облака еще больше обложили небо и хмуρο клубились над отрогами, дополняя и без того безрадостную картину.

Поначалу дорога не требовала особого напряжения. Дно ущелья, в которое они втянулись, когда-то обработал древний ледник, и теперь оно напоминало мостовую, вымощенную разносортным булыжником. Кусты заметно поредели; растительность большей частью переместилась на склоны. Вокруг всё будто вымерло. Молчали птицы. Куда-то подевались мухи, бабочки и даже москиты.

Дальше всё чаще стали попадаться крупные глыбы песчаника – монолитные и необычайно крепкие. Появились завалы. Скорость упала. Лавируя среди хаотических нагромождений, Рой всякий раз рисковал напороться на выступавшие отовсюду клинообразные зазубренные грани.

– Дорога становится непроходимой, – вконец измотавшись, передал по рации Асарес. – Считаю должным изменить маршрут и начать восхождение.

– Постойте, лейтенант! – раздался в ответ голос Тэйлора. – По данным спутниковой съемки, недалеко от вас есть ответвление. На карте оно не обозначено. Там должен быть подъем. Он тоже ведет к перевалу. Судя по фотоматериалам, лес там не такой густой.

– Хорошо, мы осмотрим долину.

Асарес повернулся к сержантам.

– Скоро граница заражения. Эдвин, Джим, что у вас?

– Радиация сорок пять микрорентген – в пределах нормы. Соотношение изотопов соответствует усредненному фону, – ответил дозиметрист Свенсон.

– В составе атмосферного воздуха изменений нет. В единичных пробах следы гелия и водорода, – добавил аналитик Барки.

Отыскав среди камней площадку, Рой выставил на ней вездеход, заглушил мотор и отправился с Асаресом на разведку.

Воспользовавшись передышкой, Свенсон и Барки стали рассказывать экспертам о назначении и устройстве измерительной аппаратуры.

Как объяснили сержанты, вездеход снабжен комплектом датчиков и приборов, предназначенных не только для измерения радиации, но и для обнаружения отравляющих веществ

или газов. Радиометры, дозиметры, эманометры и всевозможные счетчики частиц позволяли не только измерять общий уровень излучения, но и вычислять количественные соотношения радиоактивных элементов, а также рассчитывать целый ряд коэффициентов, объединенных под общим названием «матрицы Брауна». По матрицам надежно и быстро определялся тип ядерного взрыва, его мощность, а самое главное – устанавливалась принадлежность к той или иной технологической серии. Разработка каждой последующей серии проводилась с учетом значений «матриц Брауна». Таким образом, любой ядерный взрыв содержал в своей основе своеобразную визитную карточку, изучив которую, специалистам не составляло труда установить год разработки, номер серии и владельца взрывного устройства. В памяти компьютера хранились все комбинации матриц, когда-либо используемых в мировой практике.

Вскоре возвратились Асарес и Рой с известием, что дальнейшее продвижение хоть и возможно, но потребует немалых усилий. Эксперты заняли свои места. Машина снова тронулась в путь.

Сомкнулась долина ручья. Склоны надвинулись вплотную и ограничили маневренность. Мелвин и Асарес в основном расчищали завалы и подкладывали под траки стволы сухостоя. Наконец, слева показалось устье небольшого распадка, терявшегося далее в зарослях шиповника и ежевики. Отсюда им предстояло совершить прямой десятикилометровый переход к водоразделу.

Не задерживаясь у подножья, Рой свернул в непролазный кустарник. Подъем был крутой. Направление пришлось изменить и пробиваться под углом к склону. Если не считать сильного крена, то условия восхождения были вполне сносными. Затяжной откос, укрепленный растительностью, прочно держал машину. Скальные выходы встречались редко и почти не мешали движению.

Мелвин пристально смотрел через стекло, пытаясь отыскать в лесу хоть какие-то следы изменений. Но сколь он ни вглядывался в деревья, траву, в дальнюю панораму гор, не мог обнаружить ничего подозрительного. Единственное, что поначалу привлекло его внимание, – это сосны, стволы которых были изуродованы многочисленными насечками, оставленными промышлявшими здесь заготовителями. Глубокие раны сочились густой янтарной смолой. Медленно застывая, она стекала по наклонным канавкам и крупными каплями скапывалась на землю.

– Радиация сто микрорентген – предел нормы! – неожиданно, а потому резко прозвучал голос Эдвина.

В тот же миг на приборном щитке загорелась тусклым дрожащим светом красная лампочка и ударил по ушам зуммер.

– Внимание! Приближаемся к зоне заражения. Всем проверить герметичность костюмов и готовность кислородных аппаратов! – подал команду Асарес, после чего задрал оба верхних люка и проверил надежность запоров на дверях.

Радиация продолжала расти. Ярко, в полный накал, засветился рубиновый глазок индикатора. Свинцовый экран пока предохранял экипаж от излучения и давал возможность работать без индивидуальных средств защиты.

– Наружная радиация достигла ста пятидесяти микрорентген и соответствует аномалии первого порядка, – передал Эдвин.

– Включаю компьютер на вычисление «матриц Брауна», – сообщил Барки.

На экране зажглась световая полоса, сигнализируя о подключении к измерительной системе программного устройства.

Приближался край леса. Рой снова изменил курс. Теперь они взбирались по ступенчатому серпантину, старательно огибая опасные выступы и западины.

От былой расслабленности не осталось и следа. Асарес переключил внимание на дорогу. Контроль за работой аппаратуры перешел к Эдвину и Джиму.

На экране обозначился и застыл столбец буквенных индексов и цифр.

– Послушай, командир!.. – раздался голос Эдвина. – Закончен расчет «матриц Брауна». Результаты более чем странные. Взрывы с такими характеристиками ранее не отмечались. Более того, если верить вычислениям, то устойчивое существование изотопов в таких соотношениях вообще невозможно!..

Асарес, не отрывая глаз от окна, неопределенно хмыкнул и крепче ухватился за страховочный поручень.

Заинтересовавшийся сообщением Блэкфорд достал блокнот и перенес в него данные с экрана.

– Повторите расчет через десять минут, – последовал приказ с базы.

Лейтенант дал Рою знак остановиться и обратился к Барки со словами:

– Джим, самое время отобрать первую партию проб. Ты готов?

– Да. У нас с доктором всё оговорено.

– Объясните еще раз, какой материал вас интересует и с какой частотой следует проводить замеры?

– Меня устроят три-четыре пробы на километр, – чуть подумав, ответил Ланке. – Отбор обычный: поверхность грунта, растительность, испарения, атмосферные взвеси.

Барки освободил зажимы манипуляторов и с их помощью стал складывать указанные Ланке образцы в самозакрывающиеся ячейки, закрепленные с внешней стороны кузова.

– Радиация двадцать рентген! – передал Эдвин. – Если и дальше так пойдет, не видать нам перевала.

На щите налился пурпуром второй индикатор, и опять остервенело зазвенел звонок. Сигнализация предупреждала о повышении фона внутри кабины.

– Включить кислородные аппараты, надеть перчатки и перейти в режим герметизации! – скомандовал Асарес.

Заморосил дождь. Умытая влагой трава глянцево заблестела, заиграла сочными изумрудными переливами. Трудно было поверить, что совсем рядом, не далее как на расстоянии вытянутой руки, и земля, и воздух, и эта мирная, ничем не примечательная зелень насыщены продуктами неизвестно чем вызванного распада, а за любым деревом, возможно, таилась замаскированная под неприметную обыденность погибель.

Отбор проб не отнимал много времени. Рой останавливался по сигналу Ланке, который одновременно руководил действиями Барки.

Наконец выбрались из леса. Наверху, почти на уровне облаков, отчетливо вырисовывалась волнистая линия водораздела. Половина подъема осталась позади.

– Уровень радиации превысил пятьдесят единиц! – вновь раздался голос Эдвина. – Повторный расчет матриц подтверждает достоверность предыдущих вычислений. Ошибка исключена!.. Но, господин майор!.. – Он обратился прямо в эфир. – Эти результаты противоречат здравому смыслу!

Тэйлор долго не отвечал – видимо, консультировался с Центром. Потом его приглушенный расстоянием голос зазвучал снова:

– Пока никто ничего не берется объяснять. Может, в дальнейшем что-то прояснится. Смотрите в оба. Как там?..

– Черт знает что, господин майор! – ответил дозиметрист. – Уровень наведенной радиации сумасшедший. «Объект» где-то рядом. А вокруг, как по заказу, всё продолжает оставаться в первозданном виде. Такое впечатление, что здесь со вчерашнего дня ветка не шелохнулась, лист с дерева не упал.

– Спокойно, Эдвин, – сказал Асарес. – Ты, видно, забыл, как изрядно помяло Гартнера. Значит, ударная волна была. Скорей всего, перевал сыграл роль барьера и ослабил силу взрыва в этом направлении.

Под набравшим силу дождем вездеход стал скользить, сползать в ямы и временами становился неуправляемым.

Впереди их ждало еще одно испытание. За лесом вставали сплошные заросли стланника. При попытке пробраться сквозь них узловатые корни, переплетенные самым невероятным образом, сбивались в непреодолимые заломы. Снова пришлось искать обход. Продвигались, как в тоннеле, полагаясь на интуицию да везение.

– А вы заметили, профессор, что на листьях появились какие-то отверстия? – спросила Джесси у Блэкфорда.

– Да. Я обратил на них внимание еще в лесу, но поначалу не придавал значения. Теперь вижу – их стало больше. Интересно, что бы это значило?..

– Похоже на результат воздействия радиации, – ответил Асарес. – Не может быть, чтобы излучение не оказало влияния на флору. При такой мощности неизбежно возникают изменения... хотя вовсе не обязательно, чтобы они проявлялись сразу.

– А что думает по этому поводу доктор? – спросил Мелвин, верный правилу уточнять детали сразу.

– Мы опробуем всё подряд и будем продолжать, пока хватит времени, – уклонился от ответа Ланке. – Остальное покажут анализы.

Шли уже около двух часов. Все порядком утомились. Особенно трудно приходилось экспертам. У Мелвина от долгого сидения в комбинезоне заныли спина и плечи.

Закрытый гермошлем изолировал от внешних звуков. О работе двигателя можно было судить только по вздрагивающим стрелкам приборов и вибрации корпуса. В переговорных устройствах непрерывно потрескивало. От этого в ушах стоял неприятный шум.

Всё чаще нарушалась связь с базой. Голос Тэйлора едва пробивался в эфире.

Снова стали встречаться каменные торосы, которые надо было обходить, каждую секунду рискуя опрокинуться.

Наконец выбрались на открытую часть подъема, быстро преодолели участок горной тундры, а затем тяжело, с остановками, стали взбираться по делювиальной поверхности.

Несколько попыток достичь гребня закончились неудачей. Рыхлый щебень полз под гусеницами, как густой кисель. Рой, чудом сохраняя равновесие, непрерывно маневрировал, и только благодаря этому их не втянуло в зыбкую сыпучую массу и не завалило обломками.

Но вот перевал рядом. Впереди обозначилось плавное, изрытое промоинами закругление водораздела. Рой, слившись с рычагами, выжимал из мотора все силы. От предчувствия новых, еще не испытанных ощущений экспертов охватило лихорадочное возбуждение.

– Наружная радиация подскочила до ста рентген!

– В пробах воздуха аномальные концентрации гелия, водорода и озона.

Прервалась связь с базой. Будто невидимая граница отделила их от остального мира.

Снаружи наметились мелкие, почти неуловимые перемены, суть которых никто еще не успел понять или хотя бы выделить. Мелвин помимо воли задержал взгляд на одной из вывороченных глыб. Он попытался сконцентрироваться на мелькнувшей догадке, но тут же забыл о ней, захваченный картиной того, как из-за надвинувшейся седловины стали показываться острые, как отточенные карандаши, вершины дальней гряды. Нужно было что-то делать. Перевал тянул как магнит... До цели оставалось несколько десятков шагов, и вот-вот должна была открыться перспектива. Но тут дорогу перегородил ранее невидимый уступ. Невысокий, но крутой, он тянулся в обе стороны и терялся в дальних складках рельефа.

Стало ясно – вездеход дальше не пройдет.

– Всё! – выдохнул, будто выпустил пар, Асарес. – Приехали.

6

Дорис опаздывала. Стефан прохаживался перед зданием супермаркета – пятьдесят шагов туда, столько же обратно – и сердито поглядывал на часы: «Сколько раз можно повторять одно и то же!..» – думал он, расшвыривая носком ботинка стаканчики из-под напитков, в изобилии устилавшие площадку у входа. Любой здравомыслящий человек давно бы сделал выводы. Но здесь...

С витрины на него смотрел толстый краснощекий малыш, с аппетитом уплетающий огромное мороженое в золоченой обертке. В его показной непосредственности Стефан уже начинал усматривать насмешку над собой, особо ярко проявляющуюся в прижмуренных от удовольствия глазах и высунутом кончике языка.

Отсчитав очередные пятьдесят шагов, он развернулся и, несмотря на мрачные размышления, стал жадно высматривать во встречном людском потоке знакомый силуэт. Ну и устроит же он ей взбучку! За всё!.. За откровенное неуважение к нему, за бесцельное шатание здесь изо дня в день на виду у публики и в особенности этого обжоры-малыша. Нет, надо решительно покончить с попустительством и всерьез заняться ее воспитанием! Он собрался было поддеть еще один стаканчик, но тут увидел тонкую, длинноногую Дорис в развевающемся зеленом платье. Она легко, почти не касаясь тротуара, летела прямо на него и беспечно размахивала миниатюрной сумочкой на длинном ремне.

– Привет, милый! – Она чмокнула его в щеку, обдав почти неуловимым запахом духов и молодого разгоряченного тела. – Не сердись! Я уже знаю всё, что ты намерен сказать. Но у нас такое случилось!.. – И она без передышки затарахтела, не давая ему возможности вставить слово: – Шеф нашего патентного отдела, господин Намейра, уже второй день не выходит на работу. Никто в институте не знает, где он и что с ним. Из дома не отвечают. Спрашивали у соседей – тоже безрезультатно... Сегодня в конце дня звонили в полицию, сообщили его данные. Как ты думаешь, что с ним случилось? Вдруг его похитили или того хуже? – Она испуганно всплеснула руками и только тогда решила перевести дыхание.

– Перестань, Дорис! Ты взрослый человек, а рассуждаешь, как дитя. Подумай, кому мог понадобиться ваш Намейра? Был бы какой крупный деятель... А так... Обычная сошка. Поверь, я знаю толк в таких делах. Он мог куда-нибудь уехать, а может, загулял, заболел, попал в больницу...

Сам того не замечая, Стефан втянулся в объяснения и упустил время для нотаций. Сопхватившись, он таки подсобрал металла в голосе, прочел ей короткую мораль и под конец заявил, что с этих пор берется приучать ее к порядку.

Дорис внимала с видом послушной ученицы и со всем соглашалась. Высказав всё, что накопело, журналист уgomонился, взял ее под руку и повел, как было оговорено, в бар на соседней Пойтинг-Ярд.

За стойкой уже сидели несколько завсегдатаев. Вдоль стены, отделанной под красное дерево, располагались утопленные в полукруглые ниши столики. Мягкий рассеянный свет от вмонтированных в колонны светильников подчеркивал уютную обособленность интерьера и создавал атмосферу доверительной непринужденности.

Стефан заказал к легкому ужину пару коктейлей и стакан апельсинового сока.

Из колонок, установленных по краям ниши, лилась тихая музыка. Чистое звучание саксофона вызывало благодное чувство покоя, чего так не хватало Стефану в последние дни. Устроившись напротив Дорис, он взял обеими руками ее ладошку и, осязая пальцами бархатистую нежность девичьей кожи, вдруг осознал, как бесконечно дорого ему это милое создание, так же, как и он одинокое в огромном, безразличном мире, где жизненный расчет строится на борьбе, на подчинении себе подобных, порождающем в свою очередь еще более

жестокое насилие и озлобленность. Вглядываясь в тонкие черты ее лица, еще не тронутого печатью лет и жизненных невзгод, еще более красивого в переливающемся полумраке, он невольно чувствовал себя ответственным за ее дальнейшую судьбу.

При мысли о предстоящей разлуке защемило сердце. Еще и музыка была под стать.

Бесшумно сновал официант, обслуживая немногочисленных посетителей. Бармен за стойкой, размышляя под звуки музыки о чем-то своем, неторопливо курил.

Каким-то особым чутьем Дорис уловила перемену в его настроении, хотя о причинах еще не догадывалась.

Не отнимая руки, она придвинулась ближе и попросила рассказать, как прошел день. Как только Стефан сказал, что ему удалось определиться с работой, она успокоилась и сама посоветовала куда-нибудь поехать. Но, интуитивно почувствовав, что своей поспешностью задела его самолюбие, поспешила исправить положение и предложила провести эти дни вместе: сходить в театр, на теннисный корт или просто побыть вдвоем. В конце концов Стефан не удержался и, постепенно отвлекаясь от навязанных обстановкой раздумий, стал рассказывать о возникших замыслах, включая и план доработки книги.

Время летело незаметно. Они поужинали и, неспешно потягивая коктейли, переговаривались.

Между тем публика продолжала прибывать. Многие из входящих направлялись к их столику перекинуться парой-другой обычных фраз о погоде, общих знакомых или обменяться новостями. Стефан легко сходил с людьми и чувствовал себя здесь как дома. Да это и был, по сути дела, его второй дом. Его и других собратьев по перу, еще с незапамятных времен облюбовавших это укромное местечко. Дорис держалась со всеми просто, но с достоинством, сохраняя в неизменности раз и навсегда установленную дистанцию. Этим она не только пресекала попытки ухаживания, но и старалась лишний раз подчеркнуть благосклонное отношение к своему избраннику. Ей тоже нравилось бывать здесь, сидеть вот так в уголке, наблюдая за посетителями, ловить на себе восхищенные взгляды и слушать захватывающие истории, которые специально для нее сочиняли Стефан и его друзья.

После коктейля Дорис вдруг захотелось потанцевать. Она просительно посмотрела на Стефана.

На пятачке посреди зала под звуки блюза двигались несколько пар. Неподалеку о чем-то громко спорили подгулявшие парни. Стефан плавно повел в танце и, неожиданно коснувшись лицом ее волос, ощутил в ответ на груди тихое ровное дыхание. Поддавшись минутному очарованию возникшей близости, оба молчали, не решаясь лишним словом нарушить установившееся единство и слияние душ.

Когда музыка стихла, Стефан заказал еще один крепкий коктейль и бутылку охлажденного нектара для Дорис. В это время к ним подошел долговязый блондин в клетчатом пиджаке и бежевых, мешковато сидевших на нем брюках.

– Привет! – Он пожал Стефану руку и церемонно поклонился Дорис. Это был Джо Хагер, репортер отдела полицейской хроники «Нового Глобуса». Он был изрядно на взводе.

– До меня дошли слухи, что у тебя неприятности! – Джо отыскал глазами свободный стул, придвинул его к столику и плюхнулся на сиденье. – Скажу так: весть о твоём возмутительном увольнении сразу же облетела редакцию. Проклятые толстосумы!.. – Он громко выругался и потряс над головой свернутой газетой, которую перед этим вытащил из кармана пиджака. – Нельзя прощать такого свинства. Вскоре после всего этого звонили из профсоюза. Искали тебя. Просили передать, чтобы ты не падал духом и не исчезал. Как-никак, а у них тоже есть связи.

– Спасибо, Джо! Я обязательно свяжусь с ними. Только не сейчас, а позже, когда опять начну заниматься делами.

– Что-то я не совсем понимаю...

– Видишь ли, я решил устроить себе отпуск.

– Ты в отпуске? Ха-ха! – Джо дернул продолговатой, похожей на дыню головой и чуть не свалился со стула. – Не говори так, ради всего святого! Скорей у меня язык отсохнет, чем я смогу представить Стефана Циммера, отдыхающего ничтоже сумняшеся в уединении!.. Не валяй дурака! Ты взвоешь от тоски и на следующий же день примчишься к нам в поисках какой-нибудь умопомрачительной истории.

– Перестань, Джо! На этот раз твоим предсказаниям не суждено сбыться. Я вовсе не собираюсь бездельничать. В моей поездке всё продумано до мелочей.

– Постой! Так ты еще и уезжаешь? А как же Дорис?

– Тише, Джо! – Стефан поморщился. – Дорис отпускает меня и не делает из этого трагедии. Конечно, вдвоем нам было бы веселей, но у нее тоже есть дела.

– Смотри, Стефан! Как бы тебе не потерять свое сокровище. Сердце красавиц... Сам знаешь! Не так ли, дитя мое? – И он повернулся к Дорис, которая, с улыбкой вслушиваясь в разговор, помешивала соломинкой кусочки льда в бокале.

– Прошу тебя, Джо, будь благоразумен! Не отговаривай Стефана, а то он и впрямь подумает что-нибудь такое. Ему действительно лучше на время уехать. Потому мы и решили устроить маленькие проводы.

– Ну, если так, друзья мои, то я хочу выпить с вами! – голосом, ничуть не уступающим по силе грохоту разорвавшейся петарды, объявил Джо. – Официант! – и он щелкнул пальцами. – Принеси-ка что-нибудь покрепче!..

Вечер был в разгаре. Каждый веселился в своей компании и мало обращал внимания на остальных. В клубах табачного дыма попеременно вспыхивали и гасли огни колор-миксеров. Сквозь приглушенный шум голосов прорывались обрывки застольных речей, смех и отдельные бессвязные возгласы.

Дорис достала из сумочки зеркальце и косметический набор, чуть подправила линии и без того безукоризненных бровей, после чего попросила Джо поделиться свежими сплетнями.

– Фи-и! Какие могут быть вести у бедного, загнанного как пес репортера, – хитро прищурился тот, показывая в улыбке редкие зубы. – Впрочем, кое-что есть. Ты помнишь дело Астьендо Фарейра Гарсии, о котором так много говорили в начале лета?

– Еще бы! С ним не смогли справиться даже асы УОБК! Поговаривают, будто ему удалось скрыться, прихватив сундук с драгоценностями, стоимость которых исчисляется астрономической суммой.

– Всё это ерунда! Бред собачий!.. Хотите, я расскажу, как всё было?.. – Джо наклонился над столиком и знаком пригласил их сделать то же самое. Он был сильно пьян и говорил заплетающимся языком. Тем не менее он заказал еще порцию пойла, подозрительно посмотрел вокруг – не подслушивает ли кто – и только тогда, уже вполголоса, приступил к повествованию...

7

– Хорошенькое дельце! – после некоторой заминки сказал Мелвин.

– Фиаско у финишной черты – что может быть глупее?! – добавил Блэкфорд.

– Что будем делать, лейтенант?

– Уровень наружной радиации сто двадцать рентген, – ответил Асарес. – В костюмах в таких условиях можно работать минут сорок. Времени, как видите, в обрез... Но прежде чем принять решение, я хотел бы выслушать мнение каждого. Давайте, как есть, по порядку...

После недолгих переговоров экипаж пришел к выводу – продолжить маршрут пешком.

В конце Асарес сформулировал задачу:

– За полчаса мы должны уложиться, даже если ничего не удастся выяснить. Эдвин и Барки – вы с приборами контролируете обстановку. Рой – ты остаешься в машине. Двигатель не глушить. При необходимости будешь перемещаться вдоль уступа. Помни, что бы ни случилось – ты должен оставаться здесь!.. Остальным – выходить быстро и по одному.

Он еще раз проверил надежность крепления элементов снаряжения, повернул рычаг блокировки верхнего люка и напоследок сказал:

– Инспектор, внимательно следите за моими действиями. Я выхожу первым. Вы – следующий!..

Семь угловатых, похожих на космонавтов фигур выстроились подле уступа, который, как выяснилось, был сложен базальтом, когда-то внедрившимся в протяженную трещину.

Цепляясь за шероховатую поверхность камня, Мелвин не без труда вскарабкался наверх и помог подняться Джесси. С обратной стороны ступенчатый монолит переходил в неглубокую ложину, а та в свою очередь завершалась округло-выпуклым горбом, который венчал собой высшую точку подъема. Не останавливаясь, они устремились дальше и в несколько прыжков преодолели оставшееся расстояние.

Никакие слова и краски не могли бы описать картину, которая открылась в следующее мгновение. Меж раздавшихся вершин раскинулась обширная впадина, склоны которой, как шрамами, были испещрены следами многочисленных оползней и обвалов. В дальнем ее конце, у подошвы, зияла огромная воронка диаметром не менее трех километров, которую обрамлял широкий кольцевой вал из хаотично нагроможденных глыб и поваленных деревьев. Как с внешней, так и с внутренней стороны вал завершался пологими симметричными откосами. Там, где кратер подрезал гору, образовался крутой обрыв, а в нем обнажались массивные кристаллические породы, еще хранившие первозданную структуру недр. До загадочного новообразования примерно километров шесть. Склоны котловины покрывал серебристый налет, издали похожий на иней. Вблизи кратера он сплошным слоем выстилал подножье, включая и скальные останцы. Дальше плотность непонятого ореола уменьшалась, и в районе перевала он полностью исчезал. Над лесом, что рос по бортам впадины, казалось, пронесся ураган невиданной силы. Вывороченные с корнем кедр и сосны лежали вперемешку с валунами. Отдельные стволы, переломленные надвое, смутно белели расщепленными краями и, будто раздробленные кости, торчали из-под лохмотьев влажно блестящей коры. Зона полного разрушения примерно совпадала с площадью распространения ореола и затем резко обрывалась. За ней стоял целый, совершенно нетронутый лес. Там, где не было растительности, линия раздела терялась в осыпях. Ее продолжение угадывалось и здесь, на перевале – чуть сзади, за базальтовой стенкой. А это означало, что вездеход и отделившаяся от него группа тоже находились в зоне действия удара.

Характер и степень разрушений как вблизи кратера, так и на удалении от него были совершенно идентичными. С известной долей условности открывшуюся панораму можно

было сравнить с травяным газоном, в центре которого выстригли аккуратный круг. Следы светового ожога отсутствовали.

Но самое яркое впечатление производило дно кратера. Ровное, идеально отполированное, с тусклым металлическим блеском, оно невольно наводило на мысль, будто там, внизу, разлилось озеро, наполненное ртутью.

В центре его выделялось углубление конической формы, небольшое, но достаточно заметное. С высоты также было заметно, что плоскость этого странного зеркала не была однородной, а состояла из чередующихся светлых и более темных полос.

Позабыв обо всем, эксперты зачарованно смотрели вдаль. Над впадиной образовалось скопление и вовсе черных туч. Они медленно кружились, сталкивались, закручивались в косматые многоэтажные клубки. Время от времени пелену дождя взрезали молнии. Они вонзались в глянцевую поверхность кратера, отчего на ней концентрическими кругами разбегались светящиеся зеленовато-голубые волны.

– Смотрите, что я нашла! – вдруг раздался взволнованный голос Джесси.

С трудом оторвав взор от захватывающего зрелища, Мелвин первым обратился на зов. Джесси держала в руках небольшой плоский камень. Он подошел ближе и, присмотревшись, увидел на темной поверхности штуфа несколько круглых серебристо-белых вкраплений размером с горошину.

Принимая находку, он чуть было не выронил ее из рук. Осколок, несмотря на малые размеры, оказался необыкновенно тяжелым – намного тяжелей, чем следовало ожидать. Мелвин вытянул руку, но так и не смог ее удержать под весом диковинного груза. Не переставая про себя удивляться, переложил штуф на другую ладонь, покачал его, как бы привыкая к новому ощущению, и вслед за тем передал Блэкфорду.

– Что вы на это скажете? – Мелвин в недоумении спросил первое, что пришло в голову.

– Не знаю, – ответила Джесси, стряхивая с перчаток каменную крошку.

– Ну а все-таки?

– Тяжелая штукавина! В породе вроде бы нет ничего примечательного. Обычный песчаник. Разве что включения...

Она повернулась к Ланке, который в это время осматривал образчик, и попросила его отделить круглые вкрапленники.

– Так и есть! – раздался ее возглас после того, как доктор раздробил камень. – Попробуйте, инспектор!.. – Она передала Мелвину три маленьких серебристых шарика, и тот снова почувствовал, как рука налилась тяжестью.

– Такие включения встречаются повсюду, – заметил подошедший Асарес.

– Питер! – возбужденно проговорил Блэкфорд. – Надо собрать как можно больше образцов! Если верить глазам, мы имеем дело с каким-то особым, уплотненным состоянием вещества, – и тут же принялся объяснять Мелвину. – Современным взглядам не противоречит концепция устойчивого существования материи с плотностью, многократно превосходящей известные значения. Но это в теории. На практике же еще никому не удалось получить и грамма сверхплотного вещества. Никто до сих пор не знает ни его состава, ни свойств, не говоря о внутренней структуре. Одно лишь не вызывает сомнений – вещество в таком состоянии должно находиться не в атомарной, а в какой-то иной форме. Это могут быть ядра разрушенных атомов или совокупность тяжелых частиц, сжатых в единую массу. Силы, способные деформировать, а тем более разрушать атомные упаковки, должны быть поистине колоссальными. Они не поддаются воображению и сопоставимы минимум как с мощностью планетарных процессов. Только там запас накопленной энергии высвобождается постепенно – миллионы лет – а здесь, судя по всему, это произошло мгновенно. Теперь я понимаю, что серебристый ореол вокруг кратера – не что иное, как выделения этого необычного вещества. И чем ближе к центру, тем его становится больше.

– Но в таком случае и сам кратер состоит из того же вещества! – непроизвольно вырвалось у Мелвина.

– Очень даже возможно... – рассеянно ответил Блэкфорд.

– Профессор, взгляните! – вновь привлек всеобщее внимание голос Джесси.

Блэкфорд обеими руками принял остроугольный обломок, в центре которого поблескивало включение, с трудом поднес его к стеклу скафандра и стал внимательно рассматривать.

Тем временем Джесси начала пояснять:

– Как видите, это всё тот же пестроцветный песчаник полосчатого строения. Обратите внимание на существенную, на мой взгляд, деталь...

Мелвин вслед за Асаресом сосредоточил взгляд на ее пальцах.

– Включение, как видно на плоскости скола, не разрывает сплошности слоев, а как бы раздвигает их, создавая тем самым плавный, обтекаемый рисунок изгибов. А это говорит о многом... Сперва, после догадки господина Блэкфорда, я подумала, что выброс вещества произошел из кратера. Однако характер запечатленных в образце взаимодействий свидетельствует о другом. Зарождение этого стяжения, а судя по всему и остальных, произошло здесь, путем роста из первичного центра, подобно тому, как образуются многие кристаллические соединения.

– Но откуда могло взяться это вещество и что послужило для него исходным материалом? – недоверчиво спросил Мелвин.

Джесси лишь пожала плечами, что в скафандре получилось не слишком выразительно, после чего обратилась к Блэкфорду:

– Наверное вы, профессор, лучше меня сумеете объяснить случившееся... Право, я сама стораю от любопытства и признаюсь – пока ничего не понимаю!

– Вы провели чрезвычайно ценное наблюдение, коллега! – разволновался Блэкфорд. – И если оно окажется верным, мы сделаем еще один вывод.

– Какой же? – поинтересовался Мелвин.

– Суть его проста и сводится к тому, что метеоритный вариант происхождения взрыва не подтверждается. Если всё действительно так, то новое вещество могло образоваться только здесь, *in situ*⁶, а не было занесено извне.

– Простите, не понимаю.

– Позвольте, я объясню, – на лету подхватила профессорскую мысль Джесси.

– Пожалуйста, – Блэкфорд, как всегда, был предельно учтив и корректен.

– Прежде всего, я думаю, что рано сбрасывать со счетов гипотезу метеоритного удара. Но после ваших слов, господин профессор, рискну предположить, что наш случай в чем-то сродни механизму образования алмазов в кимберлитовых трубках. Там тоже при сверхмощных взрывах на большой глубине, в условиях высоких давлений и температур кристаллизовалось самое твердое из известных нам веществ. Определенное соотношение физико-химических параметров – вот главное, что необходимо для создания великого множества происходящих в природе явлений. Поэтому мы вправе допустить, что в момент столкновения с метеоритом возникли особые условия и при этом образовался новый вид материи.

– Э-э, Джесси! Не всё так просто. Конечно, нельзя исключать, что в приведенном вами сравнении есть доля истины. Но следует помнить и другое – между перераспределением атомов в решетках и деформациями в самих атомах есть принципиальные отличия. Для таких серьезных преобразований необходимы совершенно иные обстоятельства, в корне отличающиеся от всего, что нам известно. Самопроизвольное, а тем более случайное их воспроизведение на Земле, просто невозможно. Поэтому я уже сейчас почти с уверенностью могу

⁶ *in situ* (лат.) – на месте.

сказать, что взрыв, или как там его назвать, есть порождение искусственных процессов. Только вот каких?.. Учитывая крайнюю нестандартность обстановки и грандиозность свершившихся трансформаций, я пока не берусь даже предположительно судить о первопричинах и вынужден признать полную неготовность к дальнейшему обсуждению этой темы.

Ответ профессора, а главное, его растерянность перед так неожиданно обозначившейся проблемой произвели на остальных сильное впечатление. Не то чтобы после его слов ситуация прояснилась или хотя бы появилась надежда что-то выяснить. Скорей наоборот. Блэкфорд допустил, казалось бы, недопустимое. Его доводы в пользу искусственного происхождения «Объекта», наряду с отказом дать вразумительное истолкование тому, волею неволей наводили на мысль о вмешательстве в земные дела иного Разума. Может, это кому-то и показалось бы странным, но Мелвин без раздумий включил и такую возможность в список версий.

– И все-таки, за счет чего образовались вкрапления этой дряни, а главное – каким образом? – продолжал допытываться Ланке. – Вмещающий их материал остался неизменным! Так?.. А если его и уплотнить, то масса этого осколка превратится в крохотную песчинку. Как же быть?..

Блэкфорд собрался было ответить, но его опередил Асарес.

– Минутку, профессор! – сказал он. – Кажется, я смогу помочь. Вернее, не я, а карта. Взгляните – на месте кратера была возвышенность. Теперь ее нет... Спрашивается, куда могла подеваться целая гора?

– Очень любопытно! – оживился Блэкфорд.

– Вы полагаете, что часть горного массива перешла в сверхплотное состояние и дала начало кратеру? – не скрывая скепсиса, спросил Ланке.

– А почему бы и нет! – ответил Блэкфорд. – Или у вас есть другие предложения?

– Нет, профессор! Пока я только спрашиваю и не берусь ничего объяснять.

– Но это еще не всё, – продолжил Блэкфорд. – Гораздо труднее, Питер, ответить на вторую часть вашего вопроса. И в самом деле, каким образом сформировались кратер и ореол? Как происходило высаживание новообразованной материи и рост сферических стяжений?.. Даже если представить кратер в роли такого котла, где «варилась похлебка» из превращенного вещества, то как этот процесс проявлялся за его пределами? Почему действовал избирательно, а не сплошным фронтом?.. Если стяжения не выброшены из воронки, а являются самостоятельными образованиями, то откуда взялся питательный субстрат для них здесь, в шести километрах от места событий?.. Так что, Питер, давайте думать! Сумеет разобраться с этим – подберем ключ к явлению в целом!

– А вы сами-то знаете, с чего начинать? – Ланке отнюдь не вдохновила речь профессора.

– Всему свой черед. Дойдет время и до ответов.

– И все-таки, профессор, что бы вы добавили к сказанному? – спросил Мелвин.

– Только личные соображения, которые никоим образом нельзя расценивать как рабочую основу. Надеюсь, вы помните, как в конце подъема приборы отметили скачок радиации и вслед за тем прервалась связь с базой. И то, и другое, как мне теперь ясно, произошло на границе зоны воздействия ударной волны. Сначала мы ничего не заметили. Да и чему удивляться! Среди каменных развалов не осталось следов. Серебристый ореол, как уже выяснилось, распространен исключительно внутри зоны действия взрыва. Значит, здесь, где мы находимся, тоже существовали особые условия и создавался новый вид материи. Возможно, он какое-то время удерживался во взвешенном состоянии, скажем... – он чуть помедлил, подбирая наиболее подходящее выражение, – скажем, какой-то разновидностью силового поля. Судя по всему, процесс был прерван в самом разгаре. В пользу существования некоего замкнутого поля, сыгравшего роль своеобразного барьера, свидетельствует и такой, стран-

ный, на мой взгляд, факт, как резкая остановка фронта ударной волны... Но и это не главное. Удивляет другое. Какова же должна быть мощь неведомого прессы, вызвавшего такие преобразования?!

– Но почему именно это волнует вас больше всего?

– Трудно ответить вот так, сразу. А в особенности подыскать соответствующее сравнение. Возможно, подобные процессы происходят внутри звезд или в ядрах галактик. Не исключено также, что такое или близкое к нему состояние материи является первичным в наиболее общем смысле слова, универсальным в самом широком понятии... Впрочем, сейчас не время для рассуждений. Надо поторапливаться и успеть собрать как можно больше фактического материала.

Между тем Эдвин и Барки с помощью измерительных зондов провели серию замеров радиоактивности поверхностного слоя. С глубиной радиация быстро убывала. Тут же выяснилось, что причиной всему являются новообразованные стяжения, и встречаются они преимущественно на открытых поверхностях. Несмотря на малые размеры, а для большинства они не превышали одного сантиметра, излучающая способность их была очень высока. Каких-либо реакционных взаимодействий на контактах не отмечалось. Серебристые шарики были прочно вмурованы в камень, и извлечь их можно было с большим трудом. Правда, отмечались мелкие полусферические пустоты, очевидно, ранее заполненные тем же веществом.

Прочность стяжений оказалась очень высокой. Попытки раздробить их или хоть как-то изменить форму к успеху не приводили. На гладкой поверхности не оставалось ни вмятин, ни царапин.

Стало ясно, что приблизиться к кратеру на этот раз не удастся. Просто не было времени.

Посоветовавшись, решили так: Блэкфорд и Джесси остаются наверху, а остальные попытаются продвинуться дальше.

Не мешкая, они разделились. Группа, возглавляемая Асаресом, заспешила вниз и вскоре скрылась за каменными торосами.

Оставшись вдвоем, профессор и Джесси занялись работой. Блэкфорд устроился на плоской глыбе, извлек блокнот и стал заносить в него контуры кратера с окружающей обстановкой. Джесси описывала образцы и составляла план опробования в районе водораздела.

Некоторое время они трудились молча и лишь прислушивались к голосам удалявшихся разведчиков. Потом Джесси как бы невзначай спросила:

– И все-таки, профессор, можно ли воспроизвести подобные условия в лаборатории вашего института?

Блэкфорд оторвался от рисунка, отложил карандаш и, разогнув затекшую от неудобного положения спину, твердо ответил:

– Сразу же скажу, что нет! Ни в нашей, ни в какой другой лаборатории создать протовещество доступными методами невозможно. Я могу по пальцам перечислить специалистов, которые занимаются серьезными исследованиями в этой области. Никто из них не сообщал о такого рода открытиях. Вдумайтесь: для того чтобы расщепить ядро или разрушить окружающую его электронную оболочку, необходима энергия, которую дают лишь ускорители, да и то на микроскопическом уровне. Чтобы образовался один такой шарик, не хватит мощности всех существующих ускорителей вместе взятых!.. А теперь прикиньте массу протовещества в кратере. Простейшие расчеты приведут вас к выводу, что для его синтеза потребуется энергия, достигающая астрономических величин!.. По сравнению с этим даже черный крест, столь изумивший нашего доктора, покажется не более как милой шуткой разыгравшейся природы.

– Кстати о кресте. Еще немного, и я тоже начну верить в мистическое предзнаменование. Не могли бы вы более конкретно высказаться по этому поводу?

– Я всё больше склоняюсь к мнению, что появление креста отнюдь не случайно. Возможно, это был какой-то ранее не наблюдавшийся эффект, под стать происходившим здесь превращениям. Возможно, что-то другое... Не берусь судить!.. Вопрос тонкий, деликатный. К тому же в нем содержатся некоторые аспекты религиозно-философского толка. Поэтому считаю, что преждевременные высказывания на этот счет могут лишь увести нас от решения более важных задач. Я вообще за то, чтобы до поры до времени не упоминать о нем. Будто его и не было...

Он явно уходил от ответа, и Джесси это почувствовала. Профессор что-то недоговаривает, скрывает. И делает это, скорей для того, чтобы заставить их мыслить самостоятельно.

Они опять замолчали и вернулись к своим делам. Дождь сеялся не переставая: мелкий, нудный, монотонный.

Воспользовавшись еще одной передышкой, Джесси присела рядом с профессором. Ей давно хотелось задать один вопрос, но она не решалась прервать молчание, видя, как тот с головой ушел в работу. Наконец она не выдержала и тихо спросила:

– И всё же почему вы исключаете возможность привноса протовещества метеоритом? А что, если сгусток протоматерии когда-то отделился от родоначальной массы, а затем достиг Земли?

Профессор неспешно закончил очередную зарисовку, обозначил ориентиры и лишь тогда ответил:

– Согласиться с вами было бы весьма заманчиво. Более того, поначалу я и сам так подумал. Главное достоинство этой гипотезы – незатейливость и стройная на первый взгляд завершенность. Но по мере знакомства с «Объектом», а в особенности после ваших же собственных наблюдений, появилось нечто, что заставило меня изменить взгляд на природу образования протовещества. Как вы сами могли убедиться, глубина проникновения серебристых шариков не превышает нескольких сантиметров. Беру на себя смелость предположить, что толщина слоя в кратере тоже невелика. Сам же кратер, скорее всего, образовался не от удара крупного инородного тела, а вследствие сжатия обычного вещества. Что было бы при падении протометеорита – средоточия огромной массы, сконцентрированной в малом объеме? Двигаясь с космической скоростью, эта масса пронзила бы земную оболочку с легкостью иглы, протыкающей яблоко, и ушла бы далеко к ее центру... Другого варианта я просто не представляю.

По ходу пояснения он начертил на листке несколько рисунков, набросал столбец формул, а над ними поставил знак вопроса.

– Но опять же, повторяю, не будем забегать вперед! В нашем положении бессмысленно что-либо утверждать... – Он поднялся и протянул Джесси руку. – В оставшееся время я хотел бы осмотреть окрестности перевала. Не хотите ли составить компанию?

– С удовольствием! А заодно давайте послушаем, как продвигаются дела у наших первопроходцев.

8

Группа Асареса продолжала нелегкий спуск в котловину. Радиация нарастала и через полкилометра поднялась еще на десять единиц. Асарес забеспокоился и объявил, что время пребывания в зоне сокращается до двадцати минут.

В ионизированном воздухе непрерывно вспыхивали искры электрических разрядов. Размокшее небо почти не давало света, отчего окрестные скалы казались еще более мрачными и неподступными.

Дождь усиливался. Из расчета оставшегося времени решено было дойти до верхней кромки леса, отобрать там растительные препараты и сразу же возвращаться.

Мелвин шел третьим. Он старался не отстать от шагавшего с дозиметром Эдвина и поэтому не мог даже поднять головы, чтобы как следует осмотреться. Из-под ног то и дело срывались осклизлые валуны; малейшая неосторожность могла привести к разгерметизации со всеми вытекающими последствиями.

За ним следовал доктор Ланке. Ему доставалось больше всех, но он не сдавался и, решительно отстранив помощь Мелвина, цепко, как привязанный, держался у него за спиной.

Шествие замыкал Барки. Он дублировал своим прибором замеры Эдвина и заносил окончательные результаты в информационный терминал.

Ближе к воронке количество серебристых включений стало увеличиваться. Догадка профессора оказалась верной – ореол действительно состоял из протовещества, или протонита, как с его легкой руки стали называть новообразованный продукт. Некоторые экземпляры уже достигали размеров теннисного мяча, но, несмотря на кажущуюся легкость, их не удавалось даже стронуть с места.

Вскоре открылось и то, чего не было видно с перевала. Кратер парил. В дымке прозрачного марева, создаваемого восходящими струями какого-то газа, дрожали и преломлялись размытые дождем контуры близлежащих гор. Под ударами молний кратер озарялся яркими вспышками, и над гладкой поверхностью появлялись то ли сполохи бледно-фиолетового, почти невидимого пламени, то ли отблески отраженного света.

Продолжая механически переставлять ноги, Мелвин попытался собраться с мыслями. Смутное беспокойство, отступившее было перед сонмом необъяснимых загадок, вновь дало о себе знать. Количество вопросов росло гораздо быстрее, чем ответов на них. Впрочем, ответов вообще не было. Стоило лишь начать отстраивать основу для какой-то из версий, как появлялись новые находки, которые никак не вписывались в намечаемую схему. И даже главный вопрос, от которого зависели дальнейшие построения, оставался открытым. Как быть? От чего отталкиваться, если мнения участников экспедиции опять разделились?..

У Мелвина никак не выходили из головы доводы Блэкфорда в пользу искусственного происхождения кратера. Только сейчас взбудораженный рассудок начинал по-настоящему воспринимать эту более чем смелую заявку... Но Блэкфорд не стал бы без достаточных оснований говорить такое. Значит, он знал или по каким-то признакам догадывался об истинном положении дел. И пусть даже выводы его носили условный, гипотетический характер. Но Джесси приводила убедительные доводы в пользу метеоритной гипотезы. Успокоенный на какое-то время ее уверенностью, он почти согласился с этой версией и приготовился отбатывать ее дальше. Потом появился крест... за ним серебристые шарики и, наконец, высказывания профессора. Но создать протонит в земных условиях невозможно. Чему верить? Там не складывается, и тут не выходит... Остаются летающие тарелки, по поводу которых так грубо шутил доктор Ланке. Да-а, ситуация... В незавидное положение попал бы шеф, окажись он здесь... Сам того не желая, Мелвин представил полковника Рейдера, прыгаю-

щего в скафандре по камням, и, хоть было не до веселья, вслух засмеялся. Спohватившись, он оборвал себя и прислушался – не заметил ли кто, после чего вновь попытался сосредоточиться. Работать! Искать следы, доказательства, улики... Не отвлекаться! Но, перебирая еще раз скудный запас исходных данных, взвесив поочередно позицию каждого из членов комиссии, он так и не смог четко решить, что делать дальше. Единственное, что заслуживало внимания, так это мысль о необходимости опросить жителей Гартенберга. Но это потом. А сейчас?..

Его безрадостные размышления прервал Асарес.

– Инспектор! – позвал он, остановившись на площадке, венчавшей крутой уступ. – Перевал затягивается туманом.

Мелвин ступил на край растрескавшейся плиты, проверил ее устойчивость и только тогда оглянулся. Его взору предстала утратившая четкость очертаний кромка водораздела. Кое-где на возвышениях она терялась под покровом облаков.

Перспектива преждевременного возвращения энтузиазма не вызывала. «Неужели придется всё бросить?..» – с тоской подумал он.

– Пока не вижу повода для беспокойства, – сказал Мелвин. – Иногда разумный риск стоит больше инструкций и запретов.

Иного ответа Асарес, видимо, не ожидал. Не проронив больше ни слова, он передал Эдвину страховочный конец и первым приступил к спуску.

Предоставленный самому себе, Мелвин вновь вернулся к осмыслению так неожиданно свалившегося на него дела. Да и дела ли вообще?.. Его познания в области естественных наук не превышали учебного курса колледжа. Именно поэтому он меньше всех удивился протониту, а следовательно, один в какой-то мере сохранил беспристрастный подход к случившемуся.

Итак, ни одной из возникших с утра версий еще не было отдано предпочтения. Мнения профессора и Джесси известны с полной определенностью. Ланке всё равно, лишь бы не инопланетяне. Остаются Асарес и его парни. А что думают они? Кто лучше может дать сравнительную оценку «Объекта» с другими взрывами?!

Асарес отозвался не сразу. Минуту или две, не сбавляя темпа, он шагал по зыбкой осыпи, похожий на закованного в панцирь рыцаря с шишкообразными наростами – баллонами на спине и непомерно большой головой. Потом осторожно сказал:

– Случай непростой... Я бы даже сказал – уникальный. Ничего подобного мне встречать не приходилось. Некоторые вещи и впрямь удивляют, в особенности этот странный металл... Серьезные сомнения вызывают и небылицы, рассказанные стариком. По-моему, доктор прав – Гартнер или свихнулся, или бредил в беспамятстве... От ядерного взрыва «Объект» отличается по многим признакам, о чем уже говорилось. Единственное, что их объединяет, так это радиация.

До намеченного рубежа оставалось совсем немного. Идти стало легче. По этой ли причине или по каким другим соображениям, но голос Асареса зазвучал уверенней и громче.

– Я тоже думаю о происхождении взрыва, хотя это и не входит в мои обязанности. Возможно, здесь проводилось испытание какого-то сверхсекретного оружия. Нельзя исключать и вариант падения космического тела. Правда, в метеоритах я не смыслю, поэтому полагаюсь на мнение ваших коллег.

Как Мелвин и предполагал, Асарес не добавил ничего нового к тому, что было уже сказано. Эдвин и Барки непрерывно сверяли замеры и в разговор не вмешивались. Мелвин попросил их высказаться, всё еще полагая, что вот-вот блеснет долгожданный просвет. Но ничего подобного не случилось. Как один, так и другой лишь подтвердили слова командира.

Но вот и граница растительного покрова. Асарес торопился. Радиация повысилась еще на десяток единиц. Двигаться дальше и даже задерживаться здесь было чистым безумием.

Не давая времени на передышку, Асарес приказал сержантам помочь доктору в отборе проб, а сам взялся исполнять функции дозиметриста.

На месте бывшего леса с особой отчетливостью проявились разрушительные последствия взрыва, не так заметные с высоты. Волна смела не только старые деревья, но и молодую поросль. Многие стволы засыпало обломками, причем некоторые выглядели так, будто их долго и нещадно обрабатывали исполинским молотом.

Приблизившись к сосне, опрокинутой вершиной вниз, Мелвин первым делом обратил внимание на высохшую хвою в красновато-бурых пятнах. Он дотронулся до пушистой лапы, и она разом осыпалась. Провел рукой еще раз – и вновь остались оголенные, ошестинившиеся ветки. Дерево было мертво... Редкая трава, выстилавшая каменистую почву, пожухла, а низкорослые цветы завяли, покрывшись грязно-зеленым слизистым налетом. От комля вверх по склону тянулся широкий след в виде свежевспаханной борозды. Мелвин проследил его взглядом и метрах в десяти заметил полуобвалившуюся яму с обрывками корней.

– Здесь дерево росло... – машинально отметил он. – А при падении сползло вниз...

Внезапно в его сознании шевельнулась какая-то догадка. Мелькнула и пропала... Нечто подобное – он был уверен – уже было, причем недавно. Что-то вроде сигнала, предупреждающего о замаскированном под обыденность отклонении... схваченное интуицией несоответствие, не сумевшее воплотиться в зрительный образ...

Пока Ланке с помощниками возились в буреломе, Мелвин еще раз осмотрел окрестности. Прощупывая взглядом выступы в рельефе, трещины в скалах, он упорно выискивал в царящей вокруг неразберихе следы пребывания человека, остатки строений или другие признаки рукотворного либо вызванного со стороны воздействия. Но всё было тщетно. Как и прежде, ни одна деталь не вызывала подозрений. Зато вблизи воронки, там, где проходил кольцевой вал, он увидел стелющийся дым, которого раньше не было.

– Кажется, начинается пожар, – сказал Асарес. – Наверное, от молний загорелись деревья.

– А вдруг это следствие огня, что зажигается над зеркалом?! – предположил Мелвин. – Интересно, откуда он берется? И почему всякий раз гаснет после вспышки?

– Вполне может стать, что взрыв связан с рождением вулкана, а то, что мы видим, является жерлом, заполненным продуктами извержения, – подхватил и стал развивать его мысль Ланке. – А что?! Ведь были случаи, когда за короткий срок буквально на ровном месте вырастали высоченные вулканы, а взрывы, сопровождавшие их появление, сметали с лица земли города!

– Должен вас поздравить, Питер! – откликнулся с перевала Блэкфорд. – Мы пришли к такому же выводу. Если это свечение действительно имеет природу огня, то можете не сомневаться – у нас появится еще одна оригинальная гипотеза.

«Еще одна гипотеза! – мысленно повторил Мелвин, чувствуя, как опять погружается в трясину неопределенности. – Сколько же их еще будет? Какая окажется верной? Всё ли сказал профессор?...»

Вопросы вновь посыпались, и ему пришлось сделать усилие, дабы не отвлекаться от главного. С приступом ипохондрии удалось быстро справиться. Но тут появилась навязчивая мысль, будто в глубине скал кто-то скрывается и следит за каждым его шагом. Ощущение не из приятных.

«Чушь! – пытался он убедить себя. – Издержки самовнушения... синдром усталости, не более. Ближние утесы как на ладони – там точно никого нет. А со стороны дальних скоплений сквозь дымку пожара и завесу дождя вряд ли что разглядишь... И потом, разве может уцелеть в этом донельзя отравленном котловане хоть одна живая душа?...»

Он прекрасно понимал нелепость своих опасений, разбивал их с доказательностью здравомыслящего человека, но так и не мог избавиться от тягостных предчувствий...

Голос Асареса вернул его к действительности. Время истекло. Напоследок он еще раз обвел взглядом напитанную смертоносными флюидами даль, на мгновение задержался на переливающейся искрометными импульсами поверхности кратера и, безотрадно вздохнув, стал готовиться к восхождению.

Значительная часть программы оставалась невыполненной. Результат рискованной вылазки оставлял желать лучшего. «Объект» по-прежнему оставался вне досягаемости. Не скрывая разочарования, измученные разведчики спешно покончили с опробованием, выставили автоматический регистратор излучения и, сгибаясь под тяжестью образцов, двинулись в обратный путь.

9

– Рассказывайте, Питер, что вам удалось узнать по части выживаемости здешних био-популяций в сверхкритических условиях? – спросил Блэкфорд, как только группа выбралась наверх.

– Ровным счетом ничего, – выдавил в ответ Ланке, сбрасывая с плеча увесистый мешок с пробами. – Можете быть уверены, ни один организм не способен выдержать такое. – Отдышавшись, он прочистил горло и добавил: – Из области биологии неожиданностей вроде бы нет. Да и то ладно... Есть вещи поважней. И они беспокоят меня больше.

– Значит, вы тоже столкнулись с фактами, которые не лезут ни в какие ворота? – спросил Блэкфорд.

– Да разве дело в фактах! Просто я всё больше убеждаюсь, что мир с недавних пор утратил статус неизменности. Всё смешалось, перевернулось вверх дном!.. Я уже ни за что не ручаюсь, не в силах аргументировать свою точку зрения и, что, пожалуй, самое удивительное, не берусь более отстаивать принцип нерушимости природообразующих начал!..

– Да-а... – со значением протянул Блэкфорд. – «Объект»-то наш действительно с начинкой. Да еще с какой!

Последняя фраза была произнесена таким тоном, что у Мелвина по спине прокатил холодок.

Блэкфорд помог ему освободиться от ноши, после чего сказал:

– Друзья! Надеюсь, вы еще не утратили способности воспринимать действительность. Хочу предупредить – нас ждет еще одно открытие, причем настолько отличное от всего остального, что, честно говоря, я и сам не знаю, как быть.

– Говорите, профессор, не тяните... – через силу проговорил Мелвин, чувствуя, как в нем закипает беспричинное раздражение.

– Хорошо, инспектор. Но сперва ответьте на вопрос. Как взрывная волна должна воздействовать на выступающие над поверхностью предметы?

– Гм... Вообще-то, при взрыве волна разрушает, опрокидывает, сдвигает, – после некоторой заминки ответил он.

– Вот именно! Опрокидывает и сдвигает! Но как? Мне сразу показалась странной одна деталь. Обратите внимание – даже отсюда видно, что деревья в полосе разрушений лежат не как попало, а занимают строго определенное положение. Быть может, то, что я сейчас скажу, покажется пустейшим вздором. Но присмотритесь – стволы обращены вершинами не к периферии «Объекта», как должно быть при классическом взрыве, а наоборот, к центру кратера... Поначалу я пытался объяснить столь любопытную закономерность общей направленностью склонов в сторону воронки, но впоследствии убедился, что это далеко не так. Впрочем, на главную мысль меня натолкнуло другое. Пока вас не было, я обследовал окрестности водораздела. И что вы думаете? Многие глыбы оказались сдвинутыми, причем только в одну сторону – к центру кальдеры. При этом ориентировка склона не имела значения. Как по ту, так и по эту сторону перевала перемещение происходило одинаково. Выходит, взрыв не отбрасывал, а напротив, притягивал как магнитом и тем самым вызвал сплошное опустошение в районе эпицентра!..

Он остановился перевести дыхание, а заодно дал возможность остальным осмыслить сказанное.

Первым спохватился Асарес. Он выразительно постучал по циферблату часов – пора возвращаться. Блэкфорд попросил еще немного задержаться и обратился к экспертам:

– Подумайте, может, кто из вас видел нечто такое, что не вписывается в рамки устоявшихся представлений? Сейчас важно сопоставить наблюдения, выработать единый подход

к решению злосчастной проблемы. Если это не удастся, то в дальнейшем путь к разгадке намного усложнится.

И Мелвина вдруг осенило. Он вспомнил то, что раньше не давалось – то подкатывало колючим комом, то снова отступало... Крупный валун, мелькнувший в окне везе-хода в конце подъема. Теперь полузабытая картина развернулась в мельчайших подро-бно-стях. Глубокий вдавленный отпечаток в грунте, а рядом, в нескольких шагах, опрокинутый набок пирамидальный обломок скалы с плоским, черным от налипшей земли основанием. Он лежал выше места первоначального залегания, хотя по всем правилам должен был ска-титься вниз. Вот что тогда показалось неестественным.

Волна отбросила камень в сторону, обратную ее распространению... Вслед за этим он припомнил неестественное положение сосны, возле которой был замечен дым над «Объ-ектом». Направление ствола... крона, указывающая на центр кратера... свежеспаханный след – всё подтверждало слова профессора. Дерево было не только повалено притягиваю-щей силой взрыва, но и вырвано с корнями, а затем протаскано вниз по склону.

Он тут же рассказал обо всем Блэкфорду. Асарес и Эдвин подтвердили его наблюдения. Они тоже заметили странную упорядоченность в положении опрокинутых стволов, хоть и не могли понять, чем это вызвано.

– Взрыв наоборот! – догадался наконец Ланке. Мелвин почувствовал, как почва уплы-вает у него из-под ног.

– Вы хотите сказать, что взрывная волна распространялась от периферии к центру? – недоверчиво спросила Джесси.

– Именно! – с жаром ответил Блэкфорд. – А раз так, то развитие событий можно пред-ставить следующим образом. В момент взрыва или до него над «Объектом» образовалось замкнутое силовое поле с внешним контуром по границе зоны разрушений. Кстати, остатки этого поля сохранились до сих пор, о чем свидетельствует потеря связи с базой. Вдоль кон-тура возникла волна, направленная к центру воронки, где в это время происходили неизвест-ные нам процессы и рождение протонита.

– Простите, профессор, но если здесь и впрямь существовало экранирующее поле, то оно никак не могло быть магнитного происхождения! – прервала его Джесси. – Ведь камень и древесина относятся к диэлектрикам.

– Конечно, так! – поспешил согласиться Блэкфорд. – Природа этого явления должна быть иной.

– Какой же?

– А вот этого я не знаю, – вздохнул Блэкфорд.

Мелвин совсем перестал соображать. Последние логические связки, на которых можно было построить хоть какую-то захудалую версию, рассыпались в прах. Розыгрыш? Что за дикость! Как ни крути, а всё сводится к одному – Блэкфорд прав! По виду его коллег тоже не скажешь, что они намерены шутить. Странное дело! Фактов хоть отбавляй – сумей только разобраться, выделить главное. Но нет!.. Решение не дается, ускользает. Вопреки правилам каждое открытие не только не приближает развязку, а наоборот, всё больше привлекает в тенета стремительно разрастающейся бездны, где уже не различить ни начала, ни конца... ни края, ни середины... Ему опять стало жутковато от непостижимости затаившейся непо-далеку силы. От переутомления голова стала тяжелой, будто налилась свинцом, виски сда-вило, а перед глазами запрыгали разноцветные зайчики.

Обеспокоенный задержкой Асарес дал команду к отходу. Вес проб оказался намного больше, чем предполагалось, поэтому часть груза решили перенести вторым заходом.

Погода портилась. Соседние вершины окончательно растворились в грузно осевших тучах. Туман сгущался прямо на глазах. Он быстро заполнял седловину и растекался еще ниже – туда, где проходил обратный путь. От молний в пропитанных радиацией парах оста-

вались белесые пунктирные следы. Подхваченные ветром, они извивались, как змеи, ломались, теряли четкость, а затем медленно таяли в отливах тусклой небесной подсветки.

Рой с нетерпением ждал возвращения десантников. Он тоже хотел взглянуть на «Объект». Асарес не набрался духу отказать и согласился взять его за остатками ноши.

Блэкфорд, Ланке и Джесси остались у машины и принялись упаковывать добытые трофеи в контейнеры, установленные в заднем отсеке кузова. Работа требовала особой осторожности, так как надо было не только сохранить образцы, но и обеспечить их стерильность.

Вскоре возвратилась группа Асареса. Рассортировав собранный материал, экипаж занял свои места. Перед тем как тронуться, Асарес приказал поменять кислородные баллоны. Радиация в кабине оставалась выше безопасного уровня. Букетик Джесси завял и наполовину осыпался. Символ удачи превратился в пучок почерневших стеблей.

На смену крайнему напряжению пришли апатия и вялость. Говорить не хотелось. Плавное покачивание вездехода усыпляло. Даже неутомимый Асарес, и тот всё чаще стал клевать носом.

Рой без труда уловил общее настроение. Он тоже молчал и старался править так, чтобы меньше беспокоить измученных партнеров.

Близилась граница невидимого экрана. Пора было выходить на связь. Асарес встрепнулся, привычно пробежал глазами по приборной доске и стал менять на записывающем устройстве кассету...

ШИФРОГРАММА

Секретно. Срочно

Командующему особой механизированной аэродесантной частью при оперативном штабе ЗОМП полковнику Э. ФОРСТЕРУ

СООБЩАЮ, ЧТО СЕГОДНЯ В 14 ч. 00 мин. СЛУЖБОЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО РАДИОКОНТРОЛЯ НА ЧАСТОТЕ 2415 ПЕРЕХВАЧЕН ФРАГМЕНТ СЕАНСА ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ ДВУХ НЕИЗВЕСТНЫХ РАДИОСТАНЦИЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬЮ ОКОЛО ДВУХ МИНУТ. ИЗ РАЗГОВОРА УДАЛОСЬ ВЫЯСНИТЬ, ЧТО В НЕКОЕ ОБУСЛОВЛЕННОЕ АБОНЕНТАМИ МЕСТО ОЖИДАЕТСЯ ВЫХОД ПРОПАВШЕЙ НАЗЕМНОЙ ГРУППЫ НЕУСТАНОВЛЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ. ПОСЛЕ ТОГО КАК ОДИН ИЗ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ПЕРЕДАЛ УКАЗАНИЕ ДЕЙСТВОВАТЬ «В СТРОГОМ СООТВЕТСТВИИ С РАННЕ НАМЕЧЕННОЙ ДОГОВОРЕННОСТЬЮ...» И В ДАЛЬНЕЙШЕМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЧАСТОТОЙ ТРЕТЬЕГО, НЕ ОТЗЫВАЮЩЕГОСЯ НА ПОЗЫВНЫЕ ПЕРЕДАТЧИКА, СВЯЗЬ ПРЕКРАТИЛАСЬ И БОЛЕЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЛАСЬ.

СОГЛАСНО ПОСТУПИВШЕМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ЕСТЬ ВСЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДПОЛАГАТЬ, ЧТО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ОДНА ИЗ ПЕРЕДАЮЩИХ СТАНЦИЙ НАХОДИЛАСЬ В СЕКТОРЕ X-10 НА РАССТОЯНИИ 50–80 километров ОТ МЕСТА МОЕЙ ДИСЛОКАЦИИ.

Майор М. ТЭЙЛОР

10

– Мне известны кое-какие подробности следственных материалов, которые не стали достоянием общественности... – Джо со значением хихикнул и заговорщицки подмигнул Дорис. – Гарсия сумел-таки пристроить своих людей в директораты ряда консорциумов. Можете поверить, этот человек отличался дьявольской изворотливостью, коварством и необычайной жестокостью. Выходец из южных окраин материка, он еще в юности попал в сети заправил международной мафии. В дальнейшем, работая под прикрытием могущественных покровителей, Гарсия много ездил, заводил знакомства. Это способствовало укреплению клана и расширяло сферу его влияния. После смерти Альберто Магаротте, одного из главарей преступного синдиката, он занял его место и стал безраздельно властвовать в центральной части Континента. В последние годы обосновался у нас. Главная особенность почерка этого монстра – а это сделало его практически неуязвимым – в том, что действовал он исключительно через подставных лиц, сам держался в тени и сумел себя так законспирировать, что никто, кроме ближайшего окружения, не знал его роли в деятельности синдиката. Никто толком не знал его в лицо, места проживания, не говоря уже об именах, под которыми он в то или иное время скрывался. Это уже после разоблачения стало известно, что ему под пятьдесят, рост средний, сухощавого сложения, южный тип лица, унаследованный от аборигенов. Но эти признаки, исключая, пожалуй, рост и отпечатки пальцев, ничего в наше время не значат... Я уже слышал, что, тайком вернувшись на родину, Гарсия сделал пластическую операцию, и теперь только преданные ему люди знают, на кого он стал похож – то ли на титулованного лорда, то ли на грязного кули.

– И все-таки как полиция нашла на его след? – заинтересованно спросила Дорис.

– Говорят, будто в организацию Гарсии удалось внедрить осведомителя. Полиция готовилась к облаве. Но в последний момент Гарсия почуял неладное и спешно ретировался. При этом бросил и солидный капитал, и сообщников. Захватил только своего секретаря Джосафата Катамосто да еще двух-трех человек. Ликвидация группы проводилась под руководством специалистов из УОБК. Подробности до сих пор не разглашаются. Известно только, что в дело оказались замешаны некоторые влиятельные лица. Мне довелось стать свидетелем одного неофициального разговора, из которого будто бы следовало, что Гарсия в последнее время налаживал контакты с лидерами оппозиционных Ударных Группировок. С какой целью – неизвестно. Однако вполне можно допустить, что он искал выход на политическую арену, а значит, пытался объединиться с радикалами для совместной борьбы на предстоящих осенью парламентских выборах. Не думаю, чтобы у него были шансы. Но такой альянс, в случае усиления соперников правящей партии, мог бы расчистить ему путь в сферу внешней торговли...

Джо не без помощи Стефана выпрямился, еще раз окинул осоловевшим взглядом зал и с усилием добавил:

– Но теперь его песенка спета. Отныне и навсегда! Связь оппозиции с мафией только скомпрометировала бы руководство. А правительство в последнее время приняло ряд постановлений, направленных на укрепление мира, и прилагает усилия, чтобы не отклоняться от намеченного курса. Вот, можете взглянуть! Свежие новости из столицы...

Он развернул принесенную с собой газету и, отчеркнув ногтем нужное место, швырнул ее на столик.

Как успел Стефан заметить, это был вечерний выпуск центральной «Континент Экспресс». Взяв газету, он сразу обратил внимание на небольшую заметку, отмеченную крупным заголовком.

ПРЯМОЙ ПУТЬ РАЗРЯДКИ

Сегодня в президентском дворце состоялось совещание правительственной комиссии по подведению итогов работы членов-представителей МЕДОЯДРАГС за первое полугодие.

С отчетным докладом выступил председатель комиссии советник по внешнеполитическим вопросам г-н Ш. Бруиф. В своем выступлении он подчеркнул исключительную важность развития наметившейся договоренности сторон о планомерном и всестороннем разоружении, ликвидации ядерных средств и одобрил необходимость создания на этой основе документа, направленного на дальнейшее сокращение военно-промышленного комплекса. Далее г-н Бруиф отметил, что основные положения Договора успешно проходят испытание временем, выдерживаются и выполняются в духе взаимного доверия, что в конечном итоге способствует снижению международной напряженности. Впервые за всю историю человечества появилась реальная перспектива всеобщего и полного разоружения. В связи с этим особое внимание должно уделяться разработке вопросов дальнейшего укрепления взаимопонимания, включая и беспрепятственный доступ экспертных служб на любой заслуживающий внимания или требующий проверки объект из числа перечисленных в Договоре. С заключительной речью выступил г-н Президент. Он заявил о твердом намерении довести начатое дело до конца, а также призвал укреплять единство в обострившейся борьбе с силами внутренней реакции, делающими ставку на неизбежность ядерной войны. «Мы не нарушим условий договоренности и не приступим первыми к испытаниям нового цикла!» – этими словами г-н Президент закрыл совещание, лишив тем самым реакционеров надежд на формирование большинства в парламенте...

Отложив газету, Стефан вопросительно взглянул на приятеля.

– Ты думаешь, мы действительно взяли курс на разрядку?

– Я думаю о том же, о чем в душе думает каждый! Должно же это когда-нибудь произойти!

– Но хватит ли у нас терпения?

– Брось, Стефан! Этот вопрос столько раз задавали, что в конце концов утратили веру и в мораль, и в общечеловеческие устои.

С этими словами Джо встал, вымученно улыбнулся, как бы понимая очевидную банальность своих откровений, после чего, неуклюже лавируя в узком проходе, двинулся к шумной компании в центре зала.

Радуюсь, что они с Дорис остались вдвоем, Стефан проводил его взглядом и вновь попытался настроиться на лирический лад. Все-таки этот вечер был особенным и больше располагал к спокойному, обстоятельному разбору прошлой жизни с ее надеждами и устремлениями, настраивал на серьезные размышления о завтрашнем дне, о будущем его и Дорис.

Он словно изнутри ощущал ее взгляд, струящийся теплом и светом, легкий, как прикосновение ветерка, и спрашивал себя: «Откуда берется сила ее чарующих глаз?.. В чем смысл ее красоты?..» И тут же опять возвращался к разговору с Джо, пытаясь ответить самому себе на главный вопрос... Впрочем, какое ему дело до того, что происходит в мире! Лишь бы не было войны! Но тут не ему решать. Поэтому важнее другое: отыскать в жизни свое место, оградить себя от ударов и случайностей, создать свой островок, отделиться, отсесть всё то,

что не имеет к ним прямого отношения, спрятаться в воздвигнутой крепости, закрыв глаза на все противоречия Подлунной... Только он и она! Вот в чем смысл его программы...

– Стефан, ты чем-то опечален? – пробился сквозь шум голос Дорис. – Сегодня не хотелось бы засиживаться. Тебе с утра в аэропорт. И у меня немало дел.

Он не возражал. Более того, сам подумывал, как бы поскорей выбраться из душного прокуренного помещения, но не решался об этом сказать, боясь обидеть Дорис.

11

Небольшой городок Гартенберг приютился в укромном уголке на берегу вырвавшейся из горных теснин Колд-Маунт-Ривер. Отсюда, с равнины, открывался прекрасный вид на древние кряжи массива Охонгас.

Комиссия, возглавляемая Мелвином Хесли, прибыла в Гартенберг затемно. Тэйлор подготовил для экспертов вертолет, но из-за непогоды вылет пришлось задержать.

«Объект» со всей относящейся к нему информацией спешно засекретили.

Телефоны экспертов оказались разряженными – то ли из-за радиации, то ли из-за остаточного поля «Объекта», но Мелвину по армейским каналам удалось связаться с полковником Рейдером и рассказать о своих затруднениях. Рейдер предложил усилить группу.

Мелвин отказался и, наверное, был прав. В ближайшие часы повторный осмотр «Объекта» вряд ли удастся осуществить, а лишние люди только внесут сумятицу и неразбериху.

И всё было бы хорошо, если б не одно происшествие, как ножом полоснувшее напоследок по нервам. В нем почудился еще один дразнящий оклик «Объекта», столь странным образом докатившийся с размытого туманом хребта. Жуткая, отвратительная картина... Перед посадкой в вертолет невдалеке вдруг раздался бессвязный вопль. Из крайней палатки выскочил растрепанный человек и стремглав помчался в сторону леса. Наперерез ему бросились два солдата. Его догнали, повалили в траву и стали выкручивать руки. Мелвин оторопел. Человек отчаянно отбивался, что-то выкрикивал, сучил ногами... Потом появился встревоженный Тэйлор. На вопрос Мелвина «Что случилось?» – он выразительно pokrutyл пальцем у виска. Судя по всему, Тэйлор хотел что-то добавить, но времени не оставалось. Машина уже оторвалась от земли, когда в иллюминаторе еще раз мелькнуло искаженное гримасой лицо; сверкнул безумный взгляд, оскаленные зубы. Потом всё пропало, лишь молочный вихрь заструился по стеклу...

Был ненастный ветреный вечер. Образовавшийся с утра циклон разрастался и к исходу дня достиг равнинной полосы. На бетонном покрытии взлетного поля виднелись следы недавнего дождя.

По замыслу Мелвина эксперты должны были изображать группу туристов, у которых в дороге сломалась машина. Рядом оказался случайный вертолет.

Когда глаза привыкли к темноте, Мелвин различил неподалеку контуры двух небольших самолетов с зачехленными моторами. Чуть дальше, вдоль края проволочного забора, возвышалось одноэтажное, больше смахивающее на барак здание аэросервера с квадратной башней посередине. Назвать его аэропортом язык не поворачивался. Если раньше Мелвин где и видел такие допотопные сооружения, то, пожалуй, лишь на фотографиях и в кино. Из крайнего окна постройки, рядом с крохотной площадкой метеостанции, пробивался свет. К ее торцу примыкало дощатое крыльцо.

Никому не было до них дела. Где-то неподалеку мычала, устраиваясь на ночь скотина, гремели ведра, кудахтали потревоженные куры. Городок жил привычной жизнью, будто и не было притаившегося неподалёку «Объекта».

Старый двухэтажный отель в конце темной улочки, покосившийся и мрачный, больше напоминал средневековую крепость. Над остроконечной крышей торчали длинные свечи каминных труб. Среди них красовался флюгер с изображением какой-то диковинной птицы. Она сидела на тоненькой ножке и с истеричным квохтаньем дергалась под натиском ветра. У входа висела выцветшая от времени вывеска. На ней едва заметно проступали традиционные слова приветствия; далее следовали заверения о самом лучшем приеме, а внизу выделялась штампованная надпись: ТАНЦУЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ. Название меньше всего соответствовало

облику здания, но можно было не сомневаться: тот, кто его придумал, плевать хотел на такие пустяки.

В распахнувшиеся двери ударил колокольчик. Они вошли в холл и остановились посередине, придавленные запахом жилья и низкими потолками. С левой стороны на полукруглом возвышении поблескивал хромированной крышкой старинный и, похоже, давно не применяющийся кассовый аппарат с изогнутой наподобие абордажного крюка ручкой. На стенах, оклеенных обоями, висели три поблекшие акварели с незамысловатыми сюжетами – скорей всего, творения местных художников. От кассы уходила вверх деревянная винтовая лестница с рассохшимися плитами-ступенями и отполированными множеством рук перилами. Под ней чернели три дверных проема. К последнему примыкала часть невидимого далее коридора, больше напоминавшего лаз в нору. Справа чеканным оттиском выдавалась еще одна дверь. За ней, судя по доносившимся изнутри голосам, размещался бар. Оттуда на зов колокольчика вышел хозяин – пожилой человек с отвислым животом и налитым кровью лицом.

– Фернандес, – представился он и, гостеприимно улыбаясь, спросил, кто они и откуда прибыли. Выслушав ответ, сочувственно покачал головой и сказал:

– Не волнуйтесь, господа. У нас есть неплохие мастера, которые за умеренную плату устранят любую неисправность.

Мелвин поспешил его заверить, что такой необходимости нет, и они сами управятся, как только наладится погода. Затем перевел разговор на другое и попросил по возможности поселить их рядом.

После недолгих переговоров Фернандес предложил осмотреть четыре одноместных номера – два на первом этаже и два над ними. Это было именно то, что нужно. Мелвин тут же расплатился, после чего попросил приготовить кофе и позаботиться об ужине.

Нижние комнаты выбрали Блэкфорд и Джесси. Ознакомившись с расположением номеров, эксперты решили поужинать у Джесси. Фернандес предложил пройти в бар, где коротали оставшееся до сна время завсегдатаи, но Мелвин отказался.

В приветливом поведении хозяина вроде бы ничего не вызывало подозрений. Правда, Мелвин успел несколько раз перехватить его чересчур внимательный взгляд и заметил, как в щелочках улыбающихся глаз поблескивают льдинки скрытой настороженности. Они еще немного поговорили о достоинствах здешних мест и разошлись. Сбор назначили через пятнадцать минут.

Поднимаясь по шаткой лестнице, Мелвин решил после ужина связаться с полицией. Главное сейчас – выяснить, есть ли взаимосвязь между «Объектом» и передатчиками, которые засек Тэйлор... Да и Фернандес этот не так-то прост. Догадайся, что у него на уме!..

Номер, который ему достался, больше напоминал монастырскую келью: небольшой, сырой и темный. Слева, вдоль стены, стояла кровать. Неказистая тумбочка, аляповато раскрашенная под орех, занимала место рядом с изголовьем. На ней едва умещались настольная лампа с желтым абажуром и круглая стеклянная пепельница. Стол, два стула и вещевой шкаф у входа завершали обстановку. Камина не было. В углу, справа от окна, с нижнего этажа на крышу выходила труба-дымоход, которая, по всей видимости, и служила основным источником тепла. Словом, всё под старину.

Не зажигая света, он подошел к окну, отодвинул штору и, внимательно осмотрев запоры, с силой распахнул туго раздавленные створки. В сгустившемся сумраке неясно вырисовывались контуры скрывавшихся за глухими заборами домов. За окном росла полузасохшая липа. Узловатые ветви касались стен и мерно раскачивались на ветру. Мелвин долго вглядывался во тьму, пытаясь выделить места скрытого наблюдения, и настороженно прислушивался к шелесту отсыревшей листвы. Потом запер окно, задернул штору и принялся разбирать свое нехитрое имущество. Достал пистолет, повертел его и в задумчивости оста-

новился, не зная, как поступить. Ему очень не хотелось таскать с собой эту штуку. Он вообще не любил оружия, старался по возможности обходиться без него, полагаясь главным образом на свою голову и быстроту реакции. Поэтому он с удовольствием закинул бы сейчас пистолет куда-нибудь подальше – в шкаф или опять в сумку... куда угодно, лишь бы с глаз долой. Но на этот раз что-то удерживало. Возможно, сказывались нестандартность обстановки и вызванная ею нервозность... возможно, что-то еще...

Когда эксперты собрались, Мелвин предложил еще раз обсудить события дня и выработать рабочий план. Поглядывая на серые от усталости лица, он искренне сожалел о том, что вместо обещанного отдыха снова вынужден устраивать научный диспут.

Ему не возражали, хотя энтузиазма не выразили тоже. Все были до крайности подавлены. Изумление и волнующая радость первых открытий притупились, сошли на нет. Общая неудача складывалась из личной неудачи каждого. Только веские, убедительные доказательства давали право предлагать к обсуждению те или иные установки. А их, увы, не было...

Первым решил выступить Ланке.

– Как биолог, могу подтвердить, что никаких следов чуждой фауны или флоры я не обнаружил... – издавек начал он. – Что касается спор или микроорганизмов, то здесь несколько сложнее... Скажем так: если завтра к вечеру мы будем дома, то ответ я смогу подготовить на следующий день, но не раньше полудня. Вас устраивают такие сроки?

– Нет, доктор, – как можно мягче ответил Мелвин. – Ответ в крайнем случае должен быть готов послезавтра к утру.

– Понимаю... – Ланке страдальчески сморщился и потер круглую лысину. – Вас ведь тоже торопят.

– Да, времени действительно в обрез.

– Что ж, я попробую. Только надо сделать так, чтобы груз с аэродрома сразу был отправлен в институт.

– Завтра я позвоню Рейдеру и попрошу проследить за отправкой проб с базы Тэйлора. – Мелвин посчитал тему исчерпанной и перешел к главному. – А теперь, подытоживая факты, скажите, доктор, какую гипотезу из рассмотренных вы считаете наиболее приемлемой?

Ланке криво усмехнулся и с неохотой ответил:

– А вы, оказывается, большой хитрец, инспектор. Берете за горло. Причем мертвой хваткой. Правда, должен заметить, моя миссия не требует особых знаний в области физики. Поэтому формально я освобожден от необходимости давать официальное заключение по данному вопросу. Более того, мои высказывания, основанные на поверхностном анализе необычайно сложной ситуации, могут сыграть отрицательную роль при выяснении истины...

Он явно уходил в сторону, но делал это не намеренно, а скорее по привычке, когда суть обсуждаемой проблемы ему и самому неясна, а собеседники требуют определенности.

– Судите сами... – после короткой передышки продолжил он. – Казалось бы, наиболее простая и многообещающая гипотеза метеоритного удара в глазах специалиста не выдерживает критики. А почему? Да по той простой причине, что профессор смотрит на причуды «Объекта» своим, более углубленным взглядом и видит в них проявление таких закономерностей, которые недоступны нашему пониманию. Я убежден – через пару дней мы будем знать об этой неразорвавшейся хлопущке намного больше. А пока готов принять любую версию, за исключением разве что вторжения инопланетян.

– Понятно, – не стал настаивать Мелвин. – У вас тоже свой углубленный взгляд в области космической биологии, и мне, например, никогда не удастся воссоздать ход ваших рассуждений, позволяющих с такой уверенностью отрицать вполне возможное... А если серьезно – почему бы и нет? Для многих, в частности для меня, существование высокоразвитых цивилизаций где-то в глубинах космоса считается вполне вероятным.

– Вот именно, что в глубинах!.. – снова усмехнулся Ланке и тут же пояснил: – Где-то в глубинах – значит нигде! Тут всё намного сложнее, в двух словах не объяснишь. При случае мы вернемся к теме пришельцев, и тогда вы всё поймете. А сейчас я хотел бы обсудить одно предположение, о котором все почему-то забыли...

– Наверное, вы имеете в виду мысль о вулканическом происхождении кратера? – отозвался из глубины комнаты Блэкфорд.

– Почти угадали, – сказал доктор.

В это время раздался стук. Фернандес принес кофе и блюдо с поджаренными гренками. Переваливаясь на коротких ногах и не переставая источать улыбки, толстяк подкатил к столу, смахнул полотенцем невидимую пыль и ловкими движениями расставил посуду. Мелвин поблагодарил его и стал наполнять чашки.

– Ужин будет готов через несколько минут, – известил Фернандес и вышел.

Разговор на время прервался. Кофе был не очень хорошим, но на это мало кто обращал внимание. Главное, он был горячим и хоть в какой-то мере скрашивал атмосферу казенной отчужденности, свойственную постоянным дворам подобного ранга.

– Так вот, – вернулся к затронутой теме Ланке, – возникает закономерный вопрос: можно ли провести параллель между известными разновидностями магматических взрывов и нашим «Объектом»?

Джесси задумчиво перекачивала в ладонях чашку и с видимым удовольствием отпивала обжигающую жидкость. По ее лицу было видно, как сильно она устала, хотя всеми силами она пыталась это скрыть. Черты миловидного лица чуть смазались, расплылись, отчего оно в какой-то мере утратило былую притягательность. Над переносицей наметилась поперечная морщинка, а потускневшие миндалевидные глаза всё чаще прикрывались отяжелевшими веками.

– Кто же станет отрицать очевидное! – стараясь сохранять твердость голоса, ответила она. – Общее сходство, несомненно, есть. Взять хотя бы форму кратера, его размеры или, наконец, кольцевой вал по обрамлению. Но откуда взялся протонит?.. – Она вздохнула и еще больше сгорбилась под тяжестью неразрешимых противоречий.

– А что если земное ядро состоит из протонита и он в результате глубинного взрыва достиг поверхности? – задал очередной вопрос Ланке.

– Исключено! – возразил Блэкфорд. – Если бы ваше предположение оказалось верным, масса Земли была бы намного больше расчетной величины – это раз. Во-вторых, сила земного сжатия недостаточна для преобразований такого рода. А в-третьих, не забывайте, что взрыв идентифицирован как поверхностный, а не глубинного залегания.

– Как же быть? – смешался Ланке. – Выходит, круг опять замкнулся? Куда ни глянь, – туман в прямом и переносном смысле. И ни одной перспективной идеи!..

– Не спешите, Питер. А главное, будьте благоразумны, – уже спокойно и даже ворчливо проговорил Блэкфорд. – Вы правы в одном – со временем мы узнаем всё. А пока давайте исходить из известного. Я тоже ничего не могу утверждать. Слишком велик разброс первичных данных... Но если строго и последовательно придерживаться принципа исключения, то я всё меньше верю в концепции метеоритного удара и магматического взрыва, хотя поначалу считал, что...

В дверь опять постучали.

– Ужин готов, – сообщил с порога Фернандес.

Мелвин и Джесси занялись сервировкой стола. Комната наполнилась запахом бараньего супа. Мелвин откупорил бутылку вина, наполнил бокалы и предложил тост за успешное распутывание злополучного клубка.

После того как утолили первый голод, разговор перешел в более содержательное русло. Мелвин попросил Джесси высказать собственные суждения.

– Я бы не хотела навязывать своего мнения и тоже не берусь ничего утверждать, – начала она. – Но, если нет доказательств искусственного происхождения взрыва, считаю, что метеоритную, а также вулканическую гипотезы следует и дальше рассматривать с надлежащей ответственностью. В истории Земли было много чего необычного. До нас докатились отголоски. И спора нет, далеко не всё нашло объяснение.

В комнате снова повисло молчание. Все ждали, что скажет Блэкфорд. А тот, погружившись в раздумья, сосредоточенно мямлил бороду и отвлеченно смотрел в угол. Глаза его были лишены всякого выражения. Потом он поднял отяжелевшую голову и, вздохнув так, что качнулась прикрывавшая окно штора, ответил:

– В ваших доводах, Джесси, содержится целый ряд здравых соображений. И я бы, не задумываясь, принял их, если б не одно но... Самопроизвольное образование протонита в земных условиях – это уже противоестественная аномалия. И я не в силах дать ей объяснение... Допустить взрыв протометеорита в атмосфере?.. Хорошо! Проанализируем и такую возможность. Кстати, гипотеза атмосферного взрыва родилась только сейчас, в ходе обсуждения, и против нее пока нет контраргументов.

– Нет – так будут! – с нажимом на последнее слово сказал Ланке.

– Почему вы так думаете?

– А потому, что за нее еще не брались. Уверен, вы приготовились разгромить эту версию и только ждете удобного случая!

– Нет, Питер, не разгромить, а разобраться. И выяснить степень соответствия фактам, – поправил его Блэкфорд. – Итак, взрыв в атмосфере. В таком случае кто-то из жителей города должен был видеть вспышку и заинтересоваться ею. Согласны?

– Но «Объект» образовался глубокой ночью!

– Ну и что? Даже в таком захолустье, как Гартенберг, должны быть люди, которые работают в позднее время. Да и не все по ночам спят.

– Этот вопрос больше относится ко мне, – поспешил вмешаться Мелвин.

– Хорошо. Я возвращаюсь к главному. – Блэкфорд придвинулся к разгорающемуся камину. – Гартнер говорил, будто видел огненное блюдо на земле, и у нас нет оснований ему не верить. В пользу наземного взрыва свидетельствует и сам кратер... Видите, уже с самого начала появились возражения.

– И что же дальше? – насупился Ланке.

– Особого внимания заслуживает взрывная волна. На этом я хотел бы остановиться более подробно.

– Излагайте, профессор, как есть, – поддержал Мелвин. – Только прошу говорить проще.

– Постараюсь, – Блэкфорд поворошил в камине угли и, привычно настраиваясь на неторопливый лекторский лад, продолжил: – Итак, взрывная волна. В нашем случае вектор ее распространения указывает на существование некой притягивающей силы, исходящей из центральной части «Объекта». Ударная волна и протонит – вот ключевая связка, таящая ответы на загадки! Гартнер упоминал о каком-то гипнотическом влиянии креста. Наши наблюдения подтверждают его слова. Крест... то есть «Объект», действительно притягивал. И Гартнер в полной мере испытал это действие... В сверхплотное состояние вещество могло быть переведено только одним способом – сильным сжатием. Единственное, что способно вызвать такие превращения, – это силы гравитации. А дальше напрашивается вывод: «Объект» образовался в результате мощного гравитационного импульса. Вот почему я стал сторонником искусственного происхождения взрыва... Не будем строить иллюзий. Вероятность самопроизвольного искажения гравитационного поля практически равна нулю. В отличие от других гравитационных поля универсальны и действуют на все виды материи одинаково. Управлять гравитацией еще никто не научился. Такого рода взаимодействия про-

являются только при наличии больших масс: от планетарного масштаба и выше. Проводить такие опыты мы не в состоянии... Но кто-то опередил нас. Признаюсь – я не могу понять, что происходит! Вступаю с самим собой в противоречие, но, следуя логике вещей, вынужден воспринимать «Объект» как продукт деятельности иных существ!..

Все устали на Ланке, прекрасно понимая, что любое упоминание о космическом интеллекте действует на него, как красная тряпка на быка.

– Продолжайте, профессор... продолжайте!.. – не без ехидства промолвил тот, уловив смысл этих взглядов. – Впрочем, нет! Не надо! Если хотите, я продолжу сам.

Он с размаху провел пятерней по остаткам взъерошенных волос, вытер платком покрасневшее лицо и быстро заговорил:

– Развитие событий, с учетом ваших высказываний, можно представить следующим образом. Какой-то космический агрессор придумал, а затем и смастерил гравитационную бомбу, после чего подбросил ее к нам. При этом у него хватило юмора не только инсценировать не поддающийся объяснению взрыв, но и снабдить свое детище соответствующими магическими атрибутами. Перед тем как превратить нас в пыль, он решил продемонстрировать черный крест, символизирующий, как я понимаю, конец света. Но бомба почему-то не взорвалась или сработала не до конца. А если бы сжатие не прекратилось – что было бы тогда?.. В котел с протонитом, как при цепной реакции, стали бы вовлекаться всё новые порции вещества. Такой процесс остановить невозможно. Дело могло кончиться тем, что через несколько мгновений наша милая планета превратилась бы в сверхплотный пылающий сгусток. Сюда неизбежно оказались бы втянуты Луна, другие планеты, Солнце. В итоге из нашей звездной системы образовался бы компактный плотный шар, который сжимался бы до тех пор, пока не превратился в черную дыру!..

«Чертовщина какая-то! – оторопело подумал Мелвин. – Сперва черный крест... теперь черная дыра... Совсем как в той дурацкой присказке про черный-пречерный город!..»

– Ну что, профессор, – продолжал наседать Ланке, – признайтесь, ведь именно так вы подумали... или что-то вроде этого?!

Он замолк на полуслове и в ожидании ответа возбужденно забарабанил пальцами по столу. Откуда-то из-за стены донесся бой часов. После десятого удара Джесси встала и в задумчивости прошла по комнате. Да, Ланке очень точно, хоть, может, и в излишне упрощенной форме обнажил слабые места в их рассуждениях. Случилось так, что, сами того не ведая, они стали свидетелями чего-то неприличного и теперь не знают, как вести себя дальше...

Джесси задержалась у камина, коснувшись нагретых плит, затем подошла к окну, отбросила штору и вдруг, отшатнувшись, вскрикнула...

Не раздумывая, Мелвин бросился к окну и, прикрываясь выступом стены, хотел с ходу открыть его. Но разбухшую от сырости раму заклинило. Прочное дерево держало крепко, и ему пришлось изрядно повозиться, прежде чем одна из половинок подалась.

Снаружи никого не было. В стылой мгле отсвечивали развесистые кусты и часть окружающего палисадник забора. Не заметив ничего такого, что внушало бы подозрение, он притворил окно, задернул штору и подошел к Джесси, которую тем временем успокаивал Блэкфорд.

– Что случилось? – с тревогой спросил он. – Вам плохо?

Джесси не отвечала и лишь неотрывно смотрела туда, где только что стояла.

– Успокойтесь, в саду никого нет, – проследив ее взгляд, сказал Мелвин. – Объясните, что вас напугало?

Бледная от пережитого, Джесси без сил откинулась на спинку стула и, отставив дрожащий в тонких пальцах стакан, чуть слышно прошептала:

– Лицо... Понимаете, снаружи – совсем близко – я видела чье-то лицо... и оно показалось мне ужасным... Широкий приплюснутый нос, прижатый к стеклу... напряженные глаза... бессмысленная ухмылка... Будто ударило что-то...

Мелвин приказал никому не отлучаться, а сам осторожно выскользнул на улицу. Под окном следов не было. Впрочем, если они и были, различить что-либо в темноте вряд ли возможно. Он приложил ухо к стеклу и прислушался. Через какое-то время расслышал невнятный говор и сумел разобрать отдельные слова. Попробовал приоткрыть створки, но без подручных средств этого сделать не удалось. Тем не менее, обследовав пазы и щели на подрамнике, он пришел к выводу, что окно вполне могло быть открыто с помощью ножа. В принципе, их разговор могли подслушать... Проводить осмотр дальше не имело смысла. Выругав себя последними словами, он так же незаметно вернулся в отель.

Его встретили настороженным молчанием. Мелвин объяснил, что в саду никого нет. Но этот тактический ход не принес облегчения. Разговор не клеился, то и дело обрывался или раз за разом сводился к обсуждению непонятного происшествия.

Мелвин как мог старался отвлечь ученых от неприятных дум. Он клятвенно пообещал с утра во всем разобраться и найти виновного, если он есть. Но его слова уже не воспринимались с былым вниманием.

– Послушайте, Джесси, а может, под воздействием сегодняшних чудес у вас просто начались галлюцинации? – вдруг ни с того ни с сего бухнул Ланке и опасливо покосился в сторону окна. – Знаете, после этой катавасии с «Объектом» я и сам не нахожу места. И, наверное, не удивлюсь, если начну вытворять что-нибудь такое!.. Гравитационный взрыв! Это надо же! Я долго не смогу привыкнуть к этой мысли, хотя, по правде говоря, не принять ее тоже не могу. Как ни крути, а всё вроде бы указывает на прямую связь с неизвестными превращениями гравитационного поля.

– Верно, доктор. Теперь я полностью разделяю слова Блэкфорда, – расстроенно ответила Джесси. – Бесспорно, только с помощью гравитации можно объяснить свалившееся невесте откуда диво. Разумеется, не всё еще понятно. Но мне кажется, главный секрет все-таки раскрыт. Что же касается галлюцинаций... – Она попыталась улыбнуться. – Вряд ли та физиономия за окном была выдумкой. Я уверена, там кто-то находился. – Она вздрогнула и срывающимся голосом добавила: – В одном вы правы – впечатлений слишком много. Я смертельно устала и чувствую, как на ходу засыпаю.

– Я тоже считаю, пора прерваться, – присоединился к ней Блэкфорд. – В любом случае, вечер не прошел зря. Похоже, мы нащупали след и выработали гипотезу, которая ни у кого не вызывает возражений. А это уже немало.

– Конечно, господин профессор, – с готовностью откликнулся Мелвин. – Вы не представляете, какую гору свалили с моих плеч! Пусть это будет гравитационный или какой угодно другой взрыв! Пусть он обладает самыми что ни на есть необычными свойствами! Всё равно иметь с ним дело намного приятней, чем с явлением, о котором не знаешь ничего. А сейчас отдыхайте, набирайтесь сил...

– А как же вы? – обеспокоенно спросила Джесси.

– Мне еще придется поработать. Попробую связаться с шефом местной полиции. Может, у него удастся что-нибудь разузнать.

Он не стал тратить лишних слов и вышел в пустынный коридор.

12

Зарывшись головой в подушку, доктор Ланке лежал на продавленной жесткой кровати и громко стонал в беспокойном сне. Перед ним бесконечной чередой проносились обрывки неясных сновидений. Среди них, тесно переплетаясь, поочередно вставали события минувших дней, обильно сдобренные вычурными красками искаженной до нелепого гротеска фантазии. Возбужденное воображение услужливо рисовало во всех несуществующих деталях то отвратительных ископаемых гадов, сплошь покрытых бородавчатой кожей и зловонной чешуей, то других чудовищ, не менее отталкивающих и мерзких. Они двигались, кружились, нависали мрачными громадами над ним, опираясь на когтистые перепончатые лапы и толстые напряженные хвосты. Разные видения, одно бессмысленней другого, неизменно заканчивались одним и тем же: откуда-то издалека крупным планом наплывала ощеренная кровавая пасть, утыканная рядами бесчисленных острых зубов... Одна волна кошмаров сменялась другой... Вот он стоит за кафедрой на возвышении перед громадной аудиторией. В первом ряду сидит тучный бородатый профессор Таубе и, вытянув длинные ноги, злорадно таращится на него поблескивающими сквозь линзы круглых очков глазками. Словно издалека доносится его собственный голос, усиленный акустикой зала: «Милостивый господь не оставил нас в заблуждениях наших! Он призвал братьев по Разуму из далеких миров вселить глас божий в ослабшие души наши и раскрыть величайшую тайну мира – тайну бытия!..» Он слышит усиливающийся шум голосов и сам усиливает голос, стараясь перекрыть толпу: «Господь вложил в их руки могучую, всепобеждающую силу! От одного лишь вида ее дети греха и сатаны, несметно расплодившиеся на земле нашей, должны трепетать и молить всевышнего о прощении в ожидании последнего часа своего. Эта сила – крест!..» Он кричит что есть силы, потрясая над головой пальцем. «Это... черный крест!..» В ответ он слышит гомерический хохот профессора Таубе и перепуганные крики с галерки: «Остановите его!.. Прекратите!.. Он спятил!..»

Ланке очнулся в холодном поту и с мучительным стоном перевернулся на спину. В полумраке комнаты разливался ядовито-желтый свет ночника. На голых стенах замерли расплывчатые тени, в которых с трудом угадывались увеличенные подсветкой контуры допотопной мебели. Тупая боль разваливала затылок. Он тряхнул головой и потянулся к часам на столе. Часы показывали четверть второго. За окном завывал ветер. Оттуда же под душе-раздирающий аккомпанемент флюгера доносился стук раскачивающихся ветвей.

Пошарив еще раз по скатерти, он нащупал коробочку с аспирином, которым предусмотрительно запасся у Фернандеса, и графин с водой.

«Приснится же такая чушь! – Он приподнялся, проглотил две таблетки и запил их водой из стакана. – Жил себе тихо-мирно... никаких забот. И вот на тебе!.. – В глубине сознания зародилось и стало нарастать недовольство. – А всё проклятый “Объект”!.. Стоило чуть поволноваться, как сразу подскочило давление и обострилась застарелая мигрень. А сны!.. Какие сны!..» Он мрачно усмехнулся, представив еще раз, в какой несуразной роли выступал перед почтенной публикой, потом глубоко, с задержкой, вздохнул и только тогда окончательно проснулся.

«Но нечто подобное могло и в самом деле случиться!» – обожгла вдруг шальная мысль. В памяти всплыли подробности прощания с Тэйлором... концовка недавней дискуссии и, наконец, расширенные от испуга глаза Джесси на белом как полотно лице...

С протяжным стоном Ланке откинулся на подушку и какое-то время лежал, плотно сомкнув веки. Нет, прежде всего надо успокоиться, заставить себя ни о чем не думать... Если бы не эта боль! С ней не заснуть до утра!..

После нескольких неудачных попыток он постепенно стал отвлекаться и путем самовнушения попробовал отключить болевые центры.

Посторонний звук вывел его из забытья. Проклинав всё на свете, он опять приподнялся и стал вслушиваться в зыбкую тишину. Вскоре звук повторился. Он исходил из коридора и напоминал слабое поскрипывание. Судя по всему, кто-то крадучись поднимался на этаж. Короткая пауза, и снова... теперь ближе... Да, никаких сомнений! В коридоре находился посторонний. И он всячески старался скрыть свое присутствие. Ланке затаил дыхание и, не отрывая взгляда от затемненного проема дверей, сжался в беспокойном ожидании. Из соседнего номера, где остановился инспектор, не доносилось ни звука.

Он откинул одеяло, с трудом встал и на цыпочках приблизился к дверям. Сначала ничего не услышал, кроме бешеных толчков собственного сердца.

Вновь шевельнулись половицы. Ланке догадался – неизвестный переходит от номера к номеру. Вот он остановился где-то неподалеку...

За окном с особой яростью рванул ветер и резко, как выстрел, хлопнул незакрепленный ставень. Ланке вздрогнул и враз покрылся испариной. Сперва не мог понять, в чем дело, а сообразив, едва сдержался, чтобы не выругаться вслух.

Несколько минут ожидания показались вечностью. Ему вспомнились недавние наставления Мелвина, и от этого на душе стало еще беспокойней. В горле образовался тугой комок, а по телу прокатилась судорожная дрожь. Боясь шелохнуться, он неотрывно смотрел на дверную ручку и старался не пропустить ни одного шороха.

Но вот опять скрипнуло... Ближе... Еще ближе... Теперь он явственно ощущал присутствие постороннего.

Дверная ручка медленно поползла вниз, беззвучно дошла до упора и остановилась. Страх перед неизвестностью сковал руки и парализовал волю. К счастью, внутренний запор держал крепко. Вскоре это понял и тот, снаружи... Немного погодя, ручка так же медленно двинулась вверх и, тихонько щелкнув пружиной, вернулась в исходное положение.

Всё происходило в полнейшей тишине. И если бы не глаза, которые как бы в отрыве от сознания наблюдали за происходящим, то можно было подумать, что сон продолжается... Ему неудержимо захотелось распахнуть дверь, выскочить в коридор и выяснить, что же там происходит... С величайшим трудом подавив искушение, он опять замер и обратился в слух. Еще несколько раз скрипнули половицы, и всё стихло.

Нетвердой походкой Ланке вернулся к столу, вытряхнул на ладонь еще одну таблетку и с глотком затхлой воды протолкнул ее в горло. Ослабевшие ноги предательски дрожали. Утихшая было боль вспыхнула с новой силой. Бессильно рухнув на кровать, он вытер лицо смятым полотенцем и задумался.

Ночной визит кого-то из своих исключался. Кому могла прийти мысль посетить его таким странным способом? А главное, с какой целью? Они расстались, оставив дела до утра. Но если даже и так, то зачем ломиться в запертую дверь? Не лучше ли было постучать или дать о себе знать голосом? Ошибка кого-то из жильцов? Но опять же, как это увязать с крадущейся походкой, попыткой взлома и последующим спешным ретированием?.. Оставались либо грабители, либо кто-то еще, кому он спешно понадобился. Но зачем? Нет, надо немедленно разбудить инспектора и всё рассказать...

Ланке подождал минут пять и, обмирая от страха, отодвинул задвижку. В полутемном проходе было неуютно и пусто. Справа и слева, как пустые глазницы черепов, зияли провалы дверных проемов. Сверху было слышно всё, что происходило в холле. Но сейчас и там было тихо.

Осторожно переступая босыми ногами, Ланке подошел к номеру Мелвина. Постучал. Не дождавшись ответа, потрогал дверь. Она оказалась запертой. Постучал еще раз, на этот раз сильнее. Изнутри по-прежнему никто не отзывался. Поначалу он был уверен, что

инспектор у себя, и теперь, обескураженный, не знал, как поступить. Продолжать стучать рискованно. Можно разбудить соседей. Впрочем, он не знал, живет ли кто еще на этаже, поскольку с момента появления никого здесь не видел.

Поколебавшись, Ланке решил спуститься к Блэкфорду. Возбужденная психика требовала разрядки. Затуманенный взор скользнул напоследок по двери и задержался на пороге. Предусмотрительно отступив, он опустился на четвереньки. Из щели, на уровне пола, проглядывала узкая полоска. Поковыряв ногтем мизинца, он извлек на свет сложенный лист бумаги и, снедаемый нехорошими предчувствиями, развернул его. Да, это была записка:

«ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ. ВАМ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ. СЬЕН И АЛЬБИНОС ПОГИБЛИ. ПОДРОБНОСТИ В ДНЕВНИКЕ».

Ни подписи, ни даты. Почерк корявый, строчки неровные. Похоже, писали в спешке, на ходу. Ланке перечитал текст, потом еще... но смысла так и не уловил. О каком дневнике идет речь? Кто такой Сьен? Или того пуще – альбинос? Что это – имя?... кличка?... или просто альбинос?.. Вот незадача! Нет, надо обязательно посоветоваться с профессором, показать ему находку и разыскать инспектора...

С этой мыслью Ланке направился к лестнице и только тут вспомнил, что кроме нижнего белья на нем ничего нет. Проклиная свою извечную забывчивость, он повернул обратно. Новое напоминание о грозящей опасности только усилило волнение. Но больше всего беспокоило отсутствие инспектора. Что с ним? За время непродолжительного знакомства Ланке уже в полной мере оценил спокойную уверенность этого несомненно сильного человека, привык к нему и целиком полагался на его умение ориентироваться в непростой обстановке. Как-то само собой получилось, что именно с ним теперь связывалось чувство всё более крепнущей надежности и веры в оправданность выполняемой миссии. «Наверное, инспектор располагает дополнительной информацией, но в силу каких-то причин не доводит ее до остальных», – попытался он успокоить себя. Пожалуй, только так следует расценивать его отсутствие и эту записку... Он вполне допускает, что инспектор проводит сложное расследование своими методами и не освещает подробностей. Это его полное право, если хотите – стиль работы и всё остальное... Но зачем же так бездумно бросать их одних в этом разбойничьем логове, где бесцеремонно подслушивают разговоры, заглядывают в окна и без приглашений вламываются к постояльцам?!

Ему до слез стало жалко себя, и он собрался было травить свежие, еще отдающие нервным ознобом раны, когда вдруг расслышал какой-то инородный звук, вроде как доносившийся из его номера. Звук походил на тихое мелодичное гудение или свист высокой частоты, почти на грани слышимости. Протиснувшись боком в приоткрытую дверь, он облегченно вздохнул, заглянул в поисках разбросанной одежды в один угол, потом в другой... и тут, словно пораженный страшным ударом, оцепенел, не в силах оторвать взгляда от скомканной постели... Крик ужаса, переходящий в сиплый клокочущий хрип, лишил его последних сил. Сердце забилося так, будто вот-вот готово было выскочить из груди и разорваться от перегрузки...

На кровати у ночника, в неестественной, одеревенелой позе, уставившись остекленевшими глазами в пустоту перед собой, сидел... сам Ланке. Его согнутые в локтях руки недвижимо лежали на плотно сдвинутых коленях. Прямая как доска спина со сведенными сзади лопатками, грудь, развернутая словно кузнечный мех, вытянутая по-гусиному шея, – всё говорило о том, что нормальный человек в таком положении находиться не мог, а если и мог, то лишь ценой невероятного усилия всех мышц и сухожилий... Ланке-два, точно так же, как и его оригинал, был одет в широкие полосатые трусы и синюю майку с глубоким вырезом. Сквозь натянутую ткань рельефно выступали ребра и остов позвоночника. Ступни босых ног с растопыренными пальцами тяжело, по-слоновьи, упирались в пол, придавая

фигуре искусственную шаржированную монументальность. Но больше всего у новоявленного двойника привораживало лицо. Бесстрастное, без единого признака жизни, оно притягивало какой-то особой, неземной отрешенностью, застывшим в крупных светящихся зрачках неприятием происходящего и полным отсутствием реакции на окружение. От близнеца исходил тот самый свист. Несмотря на малую громкость, сила звуковых колебаний была очень велика. От упругих толчков невидимых волн, наполнивших комнату, противно дребезжали стекла...

Не помня себя, Ланке схватил первый попавшийся под руку предмет, а им оказался стакан с водой, и со всего маху запустил им в голову сидевшего. Стакан пулей пролетел сквозь двойника и разбился на мелкие осколки. На стене осталось растекающееся пятно. В тот же миг изменилась частота звука и фигура начала таять. Сперва смазались и затухали краски, расплылись и утратили четкость контуры, затем страховидная копия сократилась в размерах, превратилась в бесформенное полупрозрачное облачко, которое в свою очередь размазалось и пропало.

Шатаясь, Ланке сделал шаг... другой... Неожиданно пол стал ускользать из-под ног. Последними проблесками сознания он успел запечатлеть неприглядную картину сотворенного им беспорядка, подумал, что и в самом деле сходит с ума, после чего грузно повалился на пол, с грохотом опрокидывая стулья...

13

Погожей вечерней зорькой Стефан Циммер сидел на берегу тихой заводи и любовался красочным пейзажем.

Как всё просто получается. Стоит лишь по-настоящему захотеть, и давняя мечта, о которой в суматохе дней и вспомнить-то некогда, становится реальностью.

Он был один и мог сколько угодно вдыхать по-волшебному чистый воздух, напоенный ароматом лесных трав, вслушиваться в полузабытые речные шорохи и вообще делать всё, что заблагорассудится. Стефан сидел успокоенный, умиротворенный, отдыхая истосковавшейся по земной чистоте душой, и ни о чем не думал. Он нарочно ушел по реке в лес, подальше от людей и городских строений так, чтобы никто не мешал его одиночеству, скрашенному приподнятым, торжественно-лирическим настроением. Вдали, за рекой, многоэтажной грядой возвышались горы. Над ними с утра клубились тучи, далекие и, казалось бы, не предвещавшие скорого ненастья. Тем не менее к вечеру облака достигли равнины.

Как Стефан и предполагал, тетушка Дэзи не забыла его и встретила так, будто они только вчера расстались.

Стефан был искренне тронут гостеприимством и добротой хозяйки. Тетушка Дэзи отвела его в мансарду, показала комнату – светлую и чистую, принесла белье и присела на краешек стула.

Рассортировав по полкам вещи, Стефан стал расспрашивать ее о делах. Как выяснилось, дядюшка Стив до сих пор промышляет в горах, но не сегодня – завтра должен вернуться. Летом у них проживала почтенная пожилая пара – люди спокойные, воспитанные и с положением. Места им понравились. На будущий год тоже обещали приехать. Были сыновья с семьями. Оставили внуков, от которых нет покоя, но с другой стороны, вроде бы и не скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.